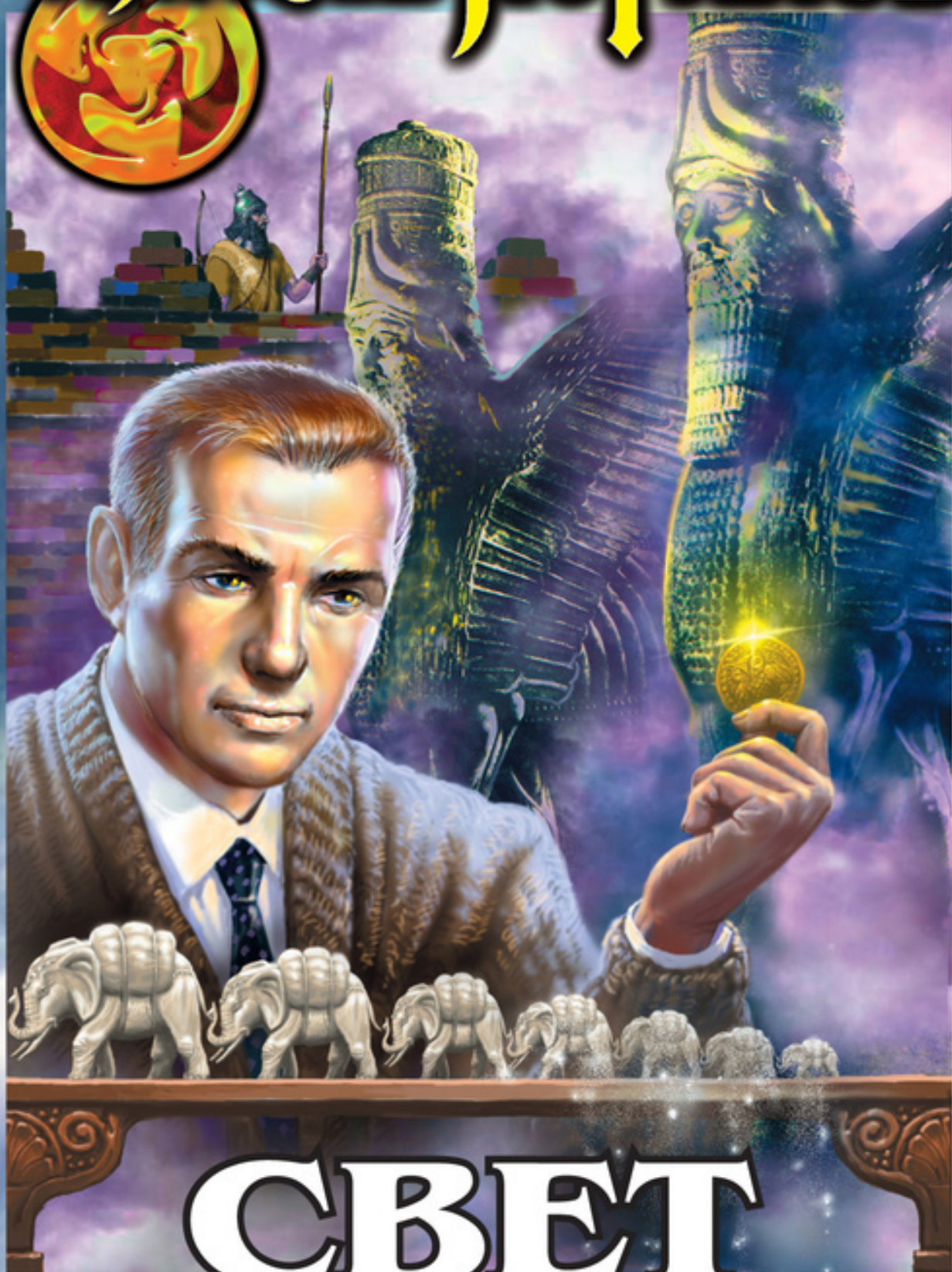

СВЯТОСЛАВ ЛОРИНОВ

СВЕТ В ОКОШКЕ

ЭКСМО

Святослав Логинов

Свет в окошке

«(Логинов)»

2002

Логинов С. В.

Свет в окошке / С. В. Логинов — «(Логинов)», 2002

Самый ценный капитал, который сколачивает человек за свою жизнь, – это память о себе. И не обязательно добрая, главное, чтобы долгая. А уж распорядиться этим капиталом можно по-разному, благо ничиль – потусторонний мир – предоставляет изобилие возможностей и альтернатив для удовлетворения самых фантастических желаний, о которых страшно было даже мечтать в земной жизни. Главное, чтобы в кошеле никогда не переводилась звонкая монета.

© Логинов С. В., 2002

© (Логинов), 2002

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Святослав Логинов

Свет в окошке

*Не печалься, друг сердечный:
Цель забвенья – бесконечна,
Ты не первое звено.
Ты ведь тоже забываешь,
Забываешь, забываешь —
Будто якорь опускаешь
На таинственное дно.*

Вадим Шефнер

Пролог

Шаг и ещё шаг... так шагаешь, как на прогулке, и палочка нужна больше для порядка, словно стек для лондонского денди. И ещё шаг... а бок почти не болит, так, понаивает слегка.

Хороший и тёплый вечер начала сентября. Самое любимое время года. Народ на улице гуляет, и я гуляю, а вовсе никуда не ухожу. Я же пешком иду, шаг за шагом, никуда не торопясь. В самом деле, куда мне торопиться? Туда опоздавших не бывает.

А идти-то далеко – часа три хорошего хода. Жаль, что ход у меня теперь нехороший, боюсь, что и вовсе не дойду. Ну, тогда таксомотор остановлю или частного, их сейчас много калымит... Что за слово исламское – «калым»? Неужто все эти шоферюги собираются жениться на восточных красавицах и копят на выводное? Половина давно женаты, а всё равно калымят. Зато с такси проблем больше нет, только подними руку – любая легковушка остановится: тебе куда, отец? Куда, куда... на Кудыкину гору. А не знаешь дороги – вези прямо в морг.

Шаг и ещё шаг... и ещё длинный мучительный шаг. Боль ввинтилась в правый бок, прошла по рёбрам, отдала в руку. И сразу понадобилась палка, а то ослабевшие ноги не удержали бы его, и осел бы Илья Ильич прямо посреди тротуара. «Осёл осел... нечего было дураку выпендриваться... вздумал удаль показывать. Перед кем? Ну, ничего, главное до скамейки добраться, а там отсижусь».

Шаг и ещё шаг... Вот и скамейка. А боль, как назло, утихомирилась и вновь безмятежно понаивает в правом боку.

Сел.

Немного отдышаться, и можно дальше ковылять. Только сначала – отдышаться...

Навстречу пешеход – тоже ходок хоть куда. Ноги враскорячку и при каждом шаге норвят подогнуться. Не понять – он свою коляску катит или она его тянет за собой. Но друг без друга они двигаться явно не смогли бы. Гордая мама вышагивает позади, любитесь самостоятельным сыном. «Сколько же тебе времечка, коллега, – годик уже стукнул или ещё покуда нет? Но ходим мы с тобой на равных, только у тебя всё впереди, а у меня уже за плечами».

Малыш замер, приоткрыв рот с единственным проклюнувшимся зубом, уставился на лицо Ильи Ильича. Вот уж есть чему удивляться – сидит дедушка, весь серый, в морщинах... руки трясутся. На такого и взглянуть страшно. Кощей Бессмертный, вот он кто... А вернее – смертный Кощей.

Через силу и сквозь всколыхнувшуюся боль Илья Ильич выдавил улыбку. И мальчишка немедленно засиял в ответ своим зубом, заулыбался, как умеют улыбаться только младенцы, лишь недавно начавшие осваивать это непростое искусство. От усердия его даже качнуло, и коляска немедля поехала вперёд, увлекая косолапого водителя. Переступая широко и разва-

листо, он всё же обернулся и на прощание одарил Илью Ильича новой восторженной улыбкой. Мама прошествовала следом, не покосив и взглядом в сторону сидящего старика.

«Сейчас отдышусь и пойду дальше.

Какое пойду – пошаркаю. Вон на асфальте буквы – каждая вдвое против моего шага – аэрозольным баллончиком нарисованы. Весь город перемазали, сволочи. Раньше бы за такое мигом в кутузку загремели, художники, раздрабадан их так... Что там написано-то?

«Анюта, любимая, спасибо!»

Господи, да ведь я напротив роддома сижу, это какой-то счастливый папаша расстарался аршинными буквами! Тогда, конечно, такое по-человечески понимать нужно. Вон ещё один куролесит под окнами, ишь, как выкаблучивает... и в руке – сотовый телефон. Это он что, серенаду никак по телефону поёт? И верно, поёт. А жена небось у окошка стоит, тоже с телефоном, слушает и вниз смотрит, как суженый на радостях джигу выплясывает. Или что они сейчас пляшут – ламбаду, что ли?

А вообще – странный народ. Им теперь карманный телефон весь мир заменяет. Я, помню, когда Илюшка родился, на третий этаж по водосточной трубе полез. Милиция снимала. А тоже в отделение не забрали, люди и тогда с понятием были.

Вот оно как вышло с Илюшкой-то. Я Илья Ильич, и он Илья Ильич. И все в роду, как говорил отец, тоже Ильи Ильичи... были. Не вернулся самый младший Илья из далёкой африканской страны Анголы. Чуть не тридцать лет уже, а вспоминается каждый день. «Родина не забудет вашего сына» – так, что ли, говорил военкоматский майор в тот недобрый день. И верно, не забыла. Пенсию платят не только свою, но и за потерю кормильца. А потерю единственного сына чем возместить? Сказали – несчастный случай, с кем не бывает, мог и у самого дома под машину угодить». О том, что в Анголе идёт война, в ту пору люди если и знали, то лишь из вражеских голосов, и потому беда приходила в дома особенно неожиданно.

Встал со скамейки, качнулся к краю тротуара, поднял руку. Машина, как и предвидел, немедля остановилась. Это мордворота ещё не всякий посадит, некоторые боятся, а старика почему не подкинуть?

– Куда, отец?

– В Лахту.

Присвистнул, оглядел костюм, сшитый четверть века назад.

– Далековато... За сороковник доведу.

Надо же, по-божески... Туда не меньше полтины должно быть.

Поехали.

«Жигулёнок» вывернул на Приморский проспект, слева за лентой Большой Невки желтели клёны Елагина острова. Мысль о том, что зелёными он их больше не увидит, казалась совершенно нереальной.

– Тут куда?

– Налево. Вон, у подъезда останови.

Подкатил с лихостью к самым ступенькам. Наклонил голову, вывеску читает: «Хоспис» – ага, понял! Вишь как в лице переменялся.

Илья Ильич достал сотенную бумажку – Родина не забывает тех, чьих сыновей она угробила, – протянул водиле.

– А других нет? У меня сдачи не наберётся...

– Бери так. Выпьешь за... здоровье.

Газанул, словно боится, что отнимут заработанное.

Теперь – подняться по ступенькам.

Сёстры в хосписе либо деловитые старушки, либо молодые девчонки, бледные до прозрачности, словно это они помирать собрались. Половина – иностранки, своих умирающих им, видать, не хватает, сюда приехали заботиться. Заботиться о живых нужно, а помереть можно

и без комфорта. Захлопотали вокруг – как же, беглец вернулся! – в палату отвели, уложили, укольчик сделали, в самую пору, а то под рёбрами снова начало грызть. Длинноногая девица уселась рядом, заговорила о божественном. Гневно рыкнул в ответ, помянул мракобесие... – отвязалась, они тут все деликатные. А книжонку в изголовье оставила. Почему-то у этих иностранцев даже Евангелие худосочное, тонюсенькое и в бумажной обложке. Не чета православному. И перевод у них скверный, знакомых слов не узнать.

Отбросил книжонку, закрыл глаза. Укол подействовал, начало клонить в сон.

Глаза открылись сами, словно толкнул кто изнутри. Рядом суетился врач, две сестры в белых, куколом торчащих косынках. Слух резануло слово «адреналин».

«Не надо адреналина! У меня сердце как мотор, за всю жизнь ни одного перебоя».

Хотел отказаться от инъекции и не смог, губы не шевельнулись. «Неужели конец? Вроде бы с утра получше было, а сейчас так и боли нет. И не страшно ни чуточки, всё как не со мной».

Сестра подаёт доктору шприц. Накрахмаленный куколь на голове похож на ресторанный салфетку. Надо же, о какой ерунде в такую минуту думается... Нужно итоги подводить, жизнь вспоминать, жену, сына, себя самого...

Первое воспоминание – ему два года с небольшим, он в гостях у тёти Саши. Тётя Саша – вовсе не его тётка, а дедушкина. Никто ещё не знает, что через месяц древняя старуха не проснётся поутру. О тёте Саше ему рассказали потом, а сам он помнит кружевную салфетку на комод и семь желтоватых слоников на ней. Слоники нагружены счастьем, они несут удачу своему хозяину. Магически звучащие слова: «Настоящая слоновая кость»... А следом вспоминается широчайшая улыбка сегодняшнего мальчугана. Искра первого зуба на розовой десне... Господи, ведь между этими воспоминаниями – вся жизнь. Другой не будет, и уже ничего не переделаешь.

В голове шум, словно две большие раковины прижали к ушам. Голоса доносятся сквозь плеск кажущегося моря. Головы не повернуть, даже глазом и то не покосить. Где-то на периферии зрения колышется серая занавеска, гасит белый день, и вскоре лишь светлое пятно остаётся перед глазами, обращаясь в бесконечную трубу, в дальнем конце которой видно сияние. И он падает в эту трубу, навстречу свету. «Ну, этот оптический обман мне знаком, даже сейчас поповские бредни не привлекают...» Тела нет, один слух ещё не отказал. В соседней палате включено радио, Русланова поёт: «Ленты-бантики, ленты-бантики!..» – надо же такое придумать – путешествие на тот свет под руслановские взвизги.

«Ленты в узлы вяжутся!..»

Глава 1

«Настоящая слоновая кость» – эти слова были первым, что осознал Илья Ильич, открывши глаза. Никто не произносил странной фразы, она прозвучала как отголосок недавних событий.

Кругом было пустое место. Что-то вроде равнины без единого ориентира на ней. Но даже субстанцию под собой определить не удавалось. Была там какая-то опора, но и только. И ещё оставалось отчётливое воспоминание о меркнувшем сознании, словно в сон проваливаешься, и вид потолка в больничной палате, который замирающему взгляду начинает казаться светом в конце воображаемого туннеля.

Короче, Илья Ильич совершенно точно помнил и понимал, что он умер.

Значит, тот свет... Вот уж чего не ждал, да и не больно хотел. Для бреда – слишком осязаемо, для реальности – слишком пусто. Значит, таки действительно тот свет.

Мысль новая и неприятная, так что её пришлось повторить дважды.

Ладно, философию пока оставим, пойдём смотреть, как тут мертвецы живут.

Илья Ильич завозился, с трудом поднялся и тут же провалился чуть не по колено. То, что теперь было под ногами, не желало удерживать тяжёлое и слишком материальное тело.

Выбрался из ямы, укрепился на ногах, оглядел себя со тщанием, благо что серый свет позволял это сделать. Был Илья Ильич гол и бос, кроме собственного тела, единственным предметом, претендовавшим на реальность, оказался кожаный мешочек со шнурком, висящий на шее и заметно тяжёлый на ощупь.

«Ксивник», – вспомнил Илья Ильич словечко из молодёжного жаргона. Или педерасточка? Должно быть, там документы... свидетельство о смерти, или что там должно быть у новопреставленного?

В ксивнике оказались деньги, или, во всяком случае, что-то крайне на них похожее. В одном отделении – весомые монетки, размером напоминающие двадчатки советского чекана, во втором – какая-то мелочовка вроде постденоминационных российских копеек. Никаких надписей на монетах не было, лишь абстрактный рисунок, слегка напоминающий древние пиктограммы. Илья Ильич пожал плечами и затянул шнурок. Считать монеты он не стал, в первые минуты загробной жизни найдутся более увлекательные дела, даже если кругом нет ничего, кроме этих самых монет. К тому же неясно, что означает такая копейка – много это или мало и на что её можно употребить. Но если это и впрямь деньги, то о загробной жизни можно заранее сделать далекоидущие и не слишком лестные выводы.

Сам Илья Ильич практически не изменился: прежнее исхудавшее тело, длинный, не вполне заживший шрам на животе – след запоздалой и бесполезной операции. Вот только ноющая боль в боку исчезла. Не затаилась, готовая наброситься с новой силой, а пропала напрочь. Оно и неудивительно, странно было бы после смерти страдать от опухоли, что свела тебя в могилу.

«Интересно, – подумал Илья Ильич, – сколько прошло времени в реальности? Меня уже похоронили? Когда люди оказываются здесь: на девятый день или на сороковой? И если это действительно потусторонний мир, то где все остальные? Куда, в конце концов, мне идти? – Рука встряхнула кошель. – Взносы вступительные – кому платить?»

Ответа не было. Илья Ильич, вздохнув, выдрал ногу из непрочной субстанции и сделал первый шаг. Ступню немедля засосало по самую щиколотку, словно в раскисшей просёлочной глине.

«Не потонуть бы...» – опрометчиво подумал Илья Ильич, сроду на серьёзных болотах не бывавший и слабо представляющий себе эту процедуру. Он вообразил, как медленно погружается в безвидное небытие, расстилающееся кругом, и его произвольно передёрнуло.

Что за чушь! Может, он ещё не вполне умер и это просто очередной предсмертный синдром, безумно реалистичный и жестокий? Неужто такое видится каждому умирающему? Люди топнут в бесцветном и бессветном киселе, ещё надеясь каждый на своё: один на колдующих у постели терапевтов, другой на доброго боженьку, который выволочет его из этого чистилища. Во всяком случае, на ад окружающее не слишком походит... на тот ад, которым пугают суеверные старушки.

Сделал шаг и второй... совсем как за час до смерти, только не болит ничегошеньки. Значит, и у мертвеца есть свои преимущества.

То, что было внизу, не липло к ногам и худо-бедно держало на плаву. Хотя идти толком не удавалось.

– Овсянка, сэ! – прокомментировал Илья Ильич.

В следующее мгновение абсурд творящегося безобразия наконец коснулся его разума. Ведь он умер! Умер на самом деле и даже помнит свою смерть! Происходящее слишком подробно, чтобы быть бредом. На бред можно списать овсянку под ногами, пустоту и беззвучие. Но кошель, полный незнакомых монет, не вписывался в гипотезу о последних видениях умирающего мозга. Он был слишком самодостаточен, раздут и тяжёл. Шёлковый шнурок, на котором висел мешочек, ощутимо резал шею.

Но если это пусть потусторонняя, но реальность, то где люди, что попали сюда прежде него? Илья Ильич задохнулся, ушибленный безумной мыслью... Ведь здесь должны быть погибший в Анголе Илюшка и Люда, так и не оправившаяся после проклятой похоронки. Целый год она ждала, надеясь, что случилась какая-то нелепость, что в гробу, который им не позволили открыть, кто-то другой, а сын вернётся. Исхудала, мучилась бессонницей и нервными расстройствами. Мужа по имени называть не могла и вздрагивала, если слышала это имя от других. А потом, выбрав время, когда Илья Ильич был послан в командировку, приняла двухнедельную норму гексобарбитала и больше не проснулась.

За тридцать лет он привык жить один и даже перед смертью не вспомнил толком об умершей полжизни назад жене. А теперь что, он, получается, может встретить жену и сына? Он – глубокий старик, а они неужто остались молодыми? Или, быть может, изменились до неузнаваемости... Что здесь происходит с людьми? Что вообще может стать с человеком после смерти? Легко тому, кто собственную мысль заменяет библейскими сказками, он верит, что быть ему в раю (почему-то никто из религиозных граждан в ад не собирается и милосердие господне распространяет на любые свои грехи). Конечно, попавши сюда, они будут вопиать, но удивятся лишь жестокости своего бога. Хотя кто сказал, что они попадут сюда? Илья Ильич поёжился, ощутив мурашки по всему обнажённому телу. Ведь тут никого нет... а что, если каждый получает по вере своей? Одни тешатся с гуриями, другие голосят осанну, а он, не верящий ни во что, ворочается среди чистой абстракции, не зная ни времени, ни места, ни своей судьбы.

Вот только при чём тут кошелёк? В деньги он верил ещё меньше, чем в бога. Зарабатывал, конечно, но не поклонялся. Странно всё это.

Илья Ильич выпрямился, даже постарался на цыпочки привстать, сколько позволила каша, стелющаяся понизу. Нет, ничего не видно, горизонт съеден бледноватой дымкой. Если тут есть люди, то они где-то далеко.

– Э-ге-ге!.. – закричал Илья Ильич, сложив ладони рупором. – Есть тут кто?!

Звук надёжно утонул в окружающей неподвижности.

– Главное – без паники! – заговорил Илья Ильич вслух. – Собственно говоря, чего мне пугаться? Я и так умер, и хуже, чем есть, уже не станет. Это живым бывает страшно, а мёртвому всё должно быть пофигу.

Разумные слова не успокаивали. Раздетый человек на голой земле под обнажённым небом. И даже не на земле, да и небо ли там, над головой?.. Хотелось спрятаться, зарыться...

Илья Ильич понимал, что скоро возжаждет Страшного суда и грядущих мук, лишь бы избавиться от неопределённости. К горлу подкатывала безнадежная истерика. Сколько времени он провёл тут? Вряд ли больше получаса, просто чувство времени погасло, уничтоженное окрестной безликостью. Там, где ничего не происходит, – времени нет. Можно идти, можно сидеть или лежать, всё равно с места не сдвинешься, вечно оставаясь в центре белёсой равнины. Вот сколько он тащится куда глаза глядят? Да нисколько не тащится, всего-то десяток шагов сделал – вряд ли больше. А ориентировку потерять успел. Тут трёх сосен нету и заплутать куда как просто. Может быть, на этих десяти шагах он три полных круга очертил. Была бы хоть какая точка отсчёта... А лучше – две точки, по ним направление задать можно.

– Дайте мне кочку опоры, и я переверну мир, – пробормотал Илья Ильич.

Снял с шеи тугую мошну, вылушил на свет копеечку, осторожно, стараясь не утопить в киселе, положил на серое. Он был готов, что монетка провалится сквозь опору или немедля затеряется, скрывшись из глаз, но ничего такого не случилось. Хотя, если отойти чуть в сторону, серебристая искорка, конечно, станет не видна. И всё же это лучше, чем ничего.

Вот так, главное – заняться делом, и истерики как не бывало.

– Эх, – произнёс Илья Ильич вслух, – этак я все деньги растеряю, а кто знает, для чего они тут служат?.. И вообще, ориентирчик не из лучших. Была бы вешка...

Казалось бы, ничего не изменилось кругом, не шелохнулось, не мигнуло, но вместо серебрянки перед изумлённым Ильёй Ильичом образовалась торчащая из серой субстанции деревянная рейка.

– А монетка-то у нас непростая, – констатировал Илья Ильич, осторожно вытягивая вешку.

Рейка была как рейка, занозистая палка метра полтора длиной, явно из лесопильных отходов. С одного краю уцелел кусочек коры, так что без труда можно было определить, что спилена сосна совсем недавно.

Илья Ильич осторожно втянул ноздрями смолистый запах и сказал:

– Живём!

Странно звучит это слово в устах человека умершего, но другого не найти, когда среди бескачественного, кисельного небытия дистиллированный воздух пререзает терпкий сосновый аромат.

Теперь Илья Ильич смотрел на раздутый кошель без прежнего сарказма. Деньги, которые умеют такое, вызывают уважение даже у самого законченного бессребреника. И дело не в том, что у него теперь есть вешка. Главное, что в мире, лишённом качеств, объявились запах смолы и шероховатость неструганой древесины.

– А ещё можно? – спросил Илья Ильич, выкладывая вторую копейку.

Вешка появилась немедленно, похожая на первую, но без коры и с заметной выбоинкой там, где вывалился кусок сучка. Без сомнения, это были самые натуральные вешки, совершенно такие, какими Илья Ильич размечал будущую трассу, когда в молодости работал топографом на строительстве шоссе.

Вторую вешку Илья Ильич оставил торчать там, где она возникла, чтобы в окружающем безобразии оставался у него хотя бы один ориентир. Отсчитал десяток шагов, оглянулся. Вешка была видна хорошо, но уже можно заключить, что вскоре она затеряется в мареве. Одно свойство мира было найдено, но оно явно не обещало никаких перспектив. Ну, утыкает он рейками окружающее безобразие, уютнее от этого станет или люди появятся? Человек – животное общественное, и Илье Ильичу было бы сейчас легче среди кипящей серы, но в хорошей компании.

Может быть, это всё-таки бред? Илья Ильич ткнул кулаком в правое подреберье, заранее ожидая вспышки боли. Ничего... то есть совсем ничего, печень как у двадцатилетнего. Если это ад, то какой-то странный. В аду мучения уменьшаться не должны.

Илья Ильич отсчитал ещё четыре десятка шагов, воткнул второй колышек и присел рядом.

– Кто теперь скажет, что у меня ни кола, ни двора? Кол есть, и двор кругом необозримый...

Шутка не веселила. Первый шок уже прошёл, проходило и оживление, вызванное исследованием окружающей... не действительности даже, а скорее – кажимости. Наступала реакция. Чувства были утомлены отсутствием красок, звуков, тактильных ощущений. Если бы не рейки, торчащие одна под боком, а вторая вдали, впору было бы взбеситься от окружающей пустоты.

– Вот что, – сказал себе Илья Ильич, – я ложусь спать, а там посмотрим, чем всё кончится. В бреду, насколько мне известно, спать ни у кого не получается. Иначе это будет не бред, а сон.

Спать и впрямь не получалось. Не отпускало нехорошее чувство, что, покуда он будет валяться сонным, серая пелена засосёт его и он уже не сможет выбраться даже в это жалкое существование. Не исключено, впрочем, что и впрямь почивающий вечным сном сном переходящим забыться не может.

Промаявшись минут десять, а быть может, и полвечности, ибо время тут не двигалось, Илья Ильич завозился на тепловатом ничто и запел нарочито фальшиво:

– Почивай в сладком сне, рай приснится тебе!..

А может, он и впрямь в раю? Чем-то окружающая вата напоминает облака, какими он представлял их в детстве... Ещё немножко, и он отыщет какой-нибудь престол и Саваофа, восседающего на нём в окружении ангелов. Хотя, будь так, его бы давно приволокли на Страшный суд и свергли в преисподнюю. И уж ни в коем случае не снабжали бы деньгами на дорогу.

Теперь Илья Ильич, насколько позволяло скудное освещение, рассматривал самого себя. Он не любил своего тела, за последние тридцать лет оно стало неприятным: дряблым, нездорового мыльного цвета. Оно слишком часто отказывалось ему служить, а последние пару лет мучило непрерывными болями. И теперь ничего не изменилось, только нытьё в правом подберёвье исчезло и тугой чужеродный ком куда-то рассосался. И то деньги, как говаривали лет сорок назад.

И вновь мысли, движущиеся по кругу, обратились к деньгам, на которые здесь было можно покупать сосновые рейки. Илья Ильич достал третью копеечку, спросил, словно у живого существа:

– А одежонку, какую ни на есть, ты сделать можешь?

Положил монетку под ноги, подождал с минуту, вздохнул:

– Не получилось... буду покамест изображать нудиста.

Отыскал взглядом дальнюю вешку, покачал головой – потеряется палочка, как пить дать, – но вытаскивать её не стал, решив оставить метку неподалёку от места своей высадки. Похлопал ладонями по бокам, словно намеревался карманы найти на голом теле, выдернул вторую рейку и пошёл, стараясь никуда не сворачивать, хотя и знал, что в этой пустоте неизбежно начнёт давать кругалю.

На этот раз он считал шаги, загибая палец левой руки на каждый десятый шаг. Когда левая рука оказывалась зажата в кулак, а затем вновь растопырена в пятерню, – загибался палец правой руки.

Оставленная вешка быстро скрылась из глаз, вокруг тянулась пустая равнина. Лимбо! Больше всего это напоминало первый круг дантовского ада.

– Значит, так и буду блуждать, – сказал Илья Ильич, поудобнее перехватывая палку.

Он уже привычно разговаривал сам с собой, тем более что за последние годы ему частенько приходилось сидеть одному и беседовать сам-друг. Родных нет, во всяком случае – близких родных. Как там говорят на похоронах? Родные и близкие... Конечно, у Ильи Ильича оставались какие-то двоюродные и внучатые племянники, с которыми он в жизни не встречался. Сейчас их небось подняли по тревоге, и они озабочены похоронами. Поди ведь в кре-

маторий стащат... Илья Ильич, достигнув определённого возраста, начал спокойно относиться к предположению, что когда-то придётся помирать, но мысль о крематории была ему неприятна. Хотя и кладбище тоже... – «добыча гробовых гостей», – стихи Бодлера казались сейчас особенно неуместными.

...Интересно, что будет с его библиотекой? Поделят, наверное, или распродадут. Кому сейчас нужны старые книги? Денег он наследникам не скопил, едва на поминки хватит, мебель и прочее барахло можно не глядя на помойку стаскивать. Только и есть что библиотека. И ещё квартира, конечно, хорошая, трёхкомнатная, в сталинском доме. А он последние бесплодные годы в ней один жил... Нет, была, конечно, Любаша, но она так и не переехала к нему, только иногда приходила ночевать, да в отпуск они старались ездить вместе. Самостоятельная женщина...

Любаша умерла уже десять лет как, и он нечасто вспоминал её. Чем можно вспоминать женщину, совместная жизнь с которой так и не сложилась? Как вместе спали? В восемьдесят лет такое вспоминать уже неинтересно. Вот и получается, что прожил жизнь один. Были бы внуки, была бы цель в жизни, а Илюшка вот оплошал в проклятой Африке.

Илья Ильич остановился, прищурившись, вгляделся в смутную даль. Что-то там было. Словно белое летнее облачко среди хмарых ноябрьских туч, оно не имело определённой формы, но выделялось чистым цветом, какого не встретишь поздней осенью.

Выдёргивая ноги из мягкой пустоты, Илья Ильич зашепшил вперёд. Сразу стало тяжело идти, все восемьдесят прожитых лет вселились в дрожащие колени и грудь, которой не хватало воздуха.

«Куда бегу? – подумал Илья Ильич. – Если я помер, так впереди всё равно вечность, успею куда угодно. А если жив, то и побережь себя надо...»

Белое приближалось. Уже можно было различить человеческие фигуры, странно неподвижные, а рядом не строения даже, а скорее декорации. Да, больше всего это напоминало именно старые декорации. Колонны, дорические или ионические – кто их разберёт? – торчали ввысь, ничего не подпирая, белые неживые деревья напоминали фикусы из цветочного магазина, и человеческие фигуры казались алебастровыми статуями. Впрочем, нет, не человеческие... Это были ангелы! За спиной у каждого топорщились декоративные лебедячьи крылья. Всё это до идиотизма напоминало придуманный им полчаса назад бред.

Под ногами наконец-то появилось твёрдое, что-то вроде брусчатки, Илья Ильич от неожиданности споткнулся и едва не упал. Выручила рейка, намертво зажатая в кулаке.

Сомнений не оставалось – перед ним был рай! Вернее, искусно выполненный макет рая размером, вероятно, чуть более полгектара. Тутовник вперемешку с яблонями, коленкоровые цветы на клумбах, дурацкие колонны и ангельские чучела с пальмовыми ветвями, арфами и обоюдоострыми тевтонскими мечами, зажатые в кулаке. В самом центре этого садика Илья Ильич, как и ожидалось, сыскал облако с резным креслом на верхушке и восседающего на этом кресле господина. Так же, как и всё окружающее, господь был бел и ненатурален.

Оскальзываясь и помогая себе рейкой, Илья Ильич вскарабкался на облако, приблизился к макету вседержителя, ухватил за ухо. На святотатство никто не отреагировал. Вернее, отреагировало ухо, оно отломилось, вниз посыпался сероватый порошок.

– Тьфу ты, пропасть! – огорчился Илья Ильич. – Не успел оглядеться, а уже ломать начал, вандал... Я думал, он хотя бы из папье-маше, а тут вообще какая-то труха. Вот как теперь чинить?

Наклонился, набрал в ладонь порошка, поплевал, стараясь замесить что-то вроде теста, которым можно было бы приклеить богу ухо. Ухо не приклеивалось. Господь смотрел на происходящее с улыбкой всепрощения под грозно нахмуренными бровями. Совершенно дурацкое сочетание, очевидно, того, кто строил обветшалую декорацию, ничуть не интересовала достоверность.

Илья Ильич положил испорченное ухо на колени богу и осторожно спустился в сад. По дороге он заметил, что его палка в нескольких местах пробила облачную поверхность и оттуда ключьями ваты выпирает знакомое серое ничто.

– Ха! – громко сказал Илья Ильич. – Чует моё сердце, что здесь не обошлось без презренного металла!

Достал копеечку, издала бросил на колени богу и приказал:

– Ну-ка, живо поправить, что я тут наломал!

Латки на облаке оказались совершенно незаметны, а вот возникшее ухо получилось слишком новеньким, оно кукольно-розовым пятном выделялось на меловой поверхности статуи, невольно привлекая взгляд. Илья Ильич поморщился, но больше ничего не стал исправлять. Он осторожно обходил райский садик, разглядывал коленопреклонённых ангелов, восторженно протянувших руки к престолу, ангелов, неслышно поющих или трубящих в горны, отнятые у гипсовых пионеров, воинственных архангелов, охраняющих с мечами в руках периметр махонького рая... «Райка», – припомнилось слово, и Илья Ильич подивился его уместности.

По самому краю эдемчика всхолмливается валик белой пыли, очевидно, когда-то здесь поднималась стена, ограждавшая благолепие от непрошенных гостей вроде недостойного Ильи Ильича. Но теперь стена рухнула, и выцветшая райская краса быстро разрушалась. Оглянувшись назад, Илья Ильич обнаружил, что его босые ноги в нескольких местах проломили полированный плитняк дорожки, выдавив наружу пыль и клубящееся ничто.

Заглаживать следы Илья Ильич не стал. И так понятно, что тут всё в забросе и разваливается само по себе. Выбрал место, где камень казался попрочнее, сел в роденовской позе, обхватив голову руками. Потом засмеялся. Горло, отвыкшее за последние годы от смеха, издавало хриплые, нечеловеческие звуки, внутри всё замерло в ожидании приступа скручивающей боли, но остановиться Илья Ильич не мог. Он хохотал всё громче и отчаянней, хохотал над собственной бездарной смертью, над собой, голым и тощим, сидящим среди развалин кукольного райка с мешком денег на шее. Всего этого было слишком много для мозга, измученного многодневной пыткой, и в то же время слишком мало, поскольку вокруг не было ничего настоящего, кроме сосновой жёрдочки в руках. Но даже сойти с ума Илья Ильич не надеялся. Если уж ты умер в здравом уме и твёрдой памяти, то безумие будет для тебя непозволительной роскошью.

Хохотал со всхлипом, до слёз, до икоты и судорог в натруженном животе. Потом замолк и замер. Если бы умел, то заплакал бы. Другие старики, бывает, частенько плачут, а он живёт всухую. Даже над заваренным цинковым гробом, в котором привезли Илюшку, не сумел пролить ни слезинки. А говорят, кто плачет, тому легче живётся. А уж умирается и того легче.

Илья Ильич потряс головой, зажмурился, не желая видеть окружающего абсурда, застонал сквозь сжатые зубы. Не спасала давняя привычка к иронии, да и на истерику сил больше не было. Прямо хоть ложись да помирай.

– Иду! Иду!.. – раздался неподалёку призывный клич.

Илья Ильич вскинул голову и увидел, что к нему, вздымая клубы серой дряни, бежит человек.

Он бежал, словно по хорошей дороге, ничуть не проваливаясь, и весь его вид был донельзя старомоден и кинематографичен. Такие наряды Илья Ильич видывал лишь в годы самого сопливого детства, да и то исключительно у престарелых щёголей, достающих по весне из гардероба пронафталиненные наряды нэповской эпохи. И, конечно, на киноэкране тоже приходилось видывать такое. У встречного была соломенная шляпа канотье! Белая пикейная рубашка с выворачивающимися манжетами и сменным воротничком на запонках! У него были штаны со штрипками и полосатая жилетка с кармашком для часов! Серебряная цепочка аксельбантом сбегала к кармашку, и можно было не сомневаться, что часы там тоже серебря-

ные с откидной крышкой, украшенной гравированной надписью. И на ногах, которые так легко ступали по серому, красовались лаковые штиблеты.

– Опоздал! – причитал бегущий. – Как есть опоздал! Что ж он наделал, дуралей!.. Иду, сударь! – Последнее он прокричал в голос, хотя уже был в десяти шагах от Ильи Ильича.

Илья Ильич поднялся навстречу. Ему было неловко, и оттого он особенно остро чувствовал свою наготу. Судя по всему, явился хозяин раешника, в котором Илья Ильич так похамски нашкодил. И ведь не скроешь ничего, вон они, следы, заметные, оплывшие, словно отпечатанные на тающем снегу. Как теперь прикажешь оправдываться? Эх, до смерти дожил, а ума не нажил!

– А может, и успел!.. – пробормотал прибывший, останавливаясь и окидывая взглядом обнажённую фигуру Ильи Ильича. Затем он перевёл дыхание и без перерыва выпалил: – Ду ю спик инглиш? Джун хуа шо бу шо? Шпрехен зи дойч?

– Я, – ответил Илья Ильич, – абер зер шлехт.

– Абер шебихь, – поправил франт и добавил, обращаясь к самому себе: – Кажется, договоримся...

– Я вообще-то русский, – сказал Илья Ильич.

– Ба, земля! – искренне обрадовался франт. – Тогда совсем просто. А то ведь никогда не знаешь, кого сюда занесёт. Каждый на своём языке бормочет, жуть, иной раз ни слова не понять...

– Я тут напортил вам... – виновато произнёс Илья Ильич, указывая на следы разрушения.

– А!.. Фигня всё это... – отмахнулся щёголь.

Он подошёл к стражу, всё ещё охраняющему осыпавшиеся ворота, и пинком обратил его в прах.

– Во, не держится, через полгода и следа не останется. Тут одна отработка осталась.

– А что это такое?

– Отработка-то? А пыль видишь? Это и есть отработка. А как совсем рассыплется, то обратно в нихиль перейдёт.

Илья Ильич молча кивнул, отметив про себя слово «нихиль». Очевидно, так называли сероватое ничто, расстилавшееся кругом. Ничего не скажешь, удачное слово, не иначе, придумал его человек, не чуждый философии и латинскому языку.

– Я не про пыль. Кому этот макет понадобился?

– Ай! – Незнакомец огорчённо отмахнулся. – Лучше не вспоминать – одно расстройство. Я потом всё объясню. – Он безо всякого перехода протянул руку и представился: – Афанасий. Можно Афоней звать. Сыщик я.

– Илья, – назвал себя Илья Ильич. Хотел по отчеству, как привык за последние годы, но вовремя сообразил, что словоохотливый Афанасий, поди, старше его окажется, так что получится сплошной конфуз.

– Так-то, Илья, – задумчиво проговорил Афоня, – ты хоть понимаешь, что с тобой приключилось?

– Да уж как-нибудь. Я в полном сознании помирал, до последней секунды всё помню.

– Мне, значит, легче, не придётся вокруг да около ходить. Человек ты, вижу, толковый, рыдать и башкой биться не собираешься. Хотя прямо тебе скажу, всё здесь не так, как батюшка в церкви учил. Это надо сразу уяснить, а то получится вот такое безобразие... – Афанасий шагнул и ловким ударом развалил ещё одного ангела.

– А я ничего этакое и не ждал, – осторожно произнёс Илья Ильич, на всякий случай умалчивая о своём упорном безбожии. – Потому и удивился, когда встретил раёк.

– Раёк что надо, – протянул Афанасий, скучающим пинком обваливая садовую беседку. – Я ведь испугался, что ты его создал. А это какое-то старьё, они тут попадают время от времени. Сотворит его какой-нибудь олух царя небесного, все деньги расшвыряет, а потом мается.

– Я тут тоже кое-что создал, – сказал Илья Ильич, показывая палку.

– Это ничего... пустяки. Небось одну лямишку потратил?

– Монетку, что ли?

– Ну да, лямишку. Которая маленькая. Она как будто из ляминия сделана, вот и зовётся лямишкой.

– Тогда как раз лямишка и ушла. А костюм попросил – ничего не вышло.

– Костюм это дороже... Да ты не бойсь, я всему научу, раз уж я тебя сыскал. Только это... я ведь тут брожу, разыскиваю вас, потеряшек, время трачу, силы... ну, ты понимаешь?

– Сколько? – спросил догадливый Илья Ильич.

– Твёрдых расценок нет, – честно сказал Афанасий. – Кто сколько даёт... Иной в нихиле так намучается, что готов всё, что есть, высыпать. Но вообще-то десять мнемоннов будет нормально. Сам посуди, сдери я с тебя сейчас лишку, так ты же потом со мной и здороваться не будешь.

Илья Ильич развязал кошель, отсчитал десять монет покрупнее, протянул сыщику.

– Так?

– Правильно! Я же говорил, что ты толковый мужик! – Афанасий вытянул из-за пристяжного воротника кисет и высыпал туда получку. Кисет был точно такой же, как у Ильи Ильича, только заметно полегче.

– А всё-таки как бы приодеться? – напомнил Илья Ильич, которого начинало тяготить, что он стоит голый, словно новобранец на медкомиссии.

– Это мы сейчас, живой рукой! Дай-ка мнемончик, покажу, как это делается...

Илья Ильич покачал головой, но мнемончик достал беспрекословно. Афанасий зажал монету в кулаке и спросил:

– Какой тебе костюм-то?

– А какой был за день до смерти, – сказал Илья Ильич, мимоходом подивившись, как легко слова о собственной кончине слетели с губ. – Хороший костюм был, почти новый.

– Значит, тот самый... так мы могоём. Вот новое что выдумать, это к портному надо.

В следующее мгновение Илья Ильич почувствовал на теле одежду. На нём и впрямь был его старый, «почти новый» костюм. Даже затёртое пятно на лацкане, которое не сумела уничтожить химчистка, оставалось на месте.

Афанасий разжал кулак. На ладони вместо одной крупной монеты лежало несколько лямишек.

– Сдача! – возгласил Афанасий, протягивая ладонь. Очевидно, мимо его внимания не прошло выражение лица Ильи Ильича, когда у него потребовали монету.

– Оставьте себе, – сказал Илья Ильич. – Мне их и класть-то некуда.

– Для денег место всегда найдётся, – возразил Афоня, но лямишки мигом прибрал.

Илья Ильич огладил полы пиджака, сунул руку во внутренний карман, где обычно лежал паспорт. Конечно, никакого паспорта там не оказалось, да и вообще ничего не было. Карманы были пустыми, как после химчистки, которая вопреки рекламе не сумела вывести пятна. Но теперь Илья Ильич знал, что, если понадобится, он и паспорт себе сможет сотворить. Вот только понадобится ли ему паспорт?

– А я монетку под ноги клал... – сказал Илья Ильич и, обкатывая новое слово, добавил: – На нихиль.

– Это необязательно. Главное, достать деньги и захотеть. Если денег не хватает, то ничего и не получится. Только так сразу деньгами швыряться не надо, пока цены не узнаешь и всё такое прочее. Ну да я подскажу попервости. А теперь пошли отсюда, я же тебя ещё должен к людям вывести...

– И что... – решил спросить Илья Ильич, – те люди, которые раньше умерли, друзья, родные, они все здесь?

– Не так сразу, – поморщился Афоня. – Тут подготовка нужна, ты уж мне поверь. Ты, главное, за меня держись, а я всё справлю в лучшем виде.

Афанасий порылся в мошне, добыл какую-то мелочишку, ухватил Илью Ильича за запястье и по-гагарински звонко произнёс:

– Поехали! За счёт заведения!..

* * *

Маячок гудел с тупой неумолимостью телефонного сигнала. Он включился вчера и с тех пор не умолкал ни на мгновение. Бип-бип-бип... – телефон занят, но в трубке продолжает гудеть. Даже ночью сквозь сон слышалась череда коротких гудков. Людмила нехотя открыла глаза, невидящим взглядом уставилась в низкий бревенчатый потолок.

«Ну что ему надо? Что он плачет? Знаю уже, знаю... не глухая, ещё вчера услышала и всё поняла...»

Можно было бы выключить маячок, придавить, как надоевший будильник, но рука не поворачивалась сделать это. И не потому, что жалко пары лямишек, а просто не поворачивалась, и всё.

И чем думала, дура, когда ставила маяк? Ведь дорого же, мнемонами платила... А теперь не знаешь, как и избавиться. Во сколько это обойдётся? Ха! Одна лямишка... ломать не строить. Выключить его и не вспоминать больше никогда. А он пусть ищет... Или он эту свою Любашу искать начнёт? Приехал муж из командировки, а у жены... вы думаете – любовник? Как бы не так! Жена сама у любовника, а дома никого нет! Ну что он плачет?.. Слышу, знаю – скончался любимый муж, прибыл... всего-то тридцать лет ждать себя заставил... Зато кормилец... чуть не каждую неделю вспоминал. И опять же не как другие, не с новой пассией сравнивал, какова в постели, а больше по хозяйству. Сядет чай пить с покупным джемом вместо домашнего пирога, да и подумает, что при покойнице сытней жралось.

Зомбак заворочался во сне, по-младенчески зачмокал губами. Через несколько минут он проснётся, увидит её рядом и, как всегда, ужасно удивится. Потом улыбнётся, обнажив все свои почерневшие от времени и дурной пищи зубы, и потянется к ней.

Тоже – работа. Другие завидуют. И она была довольна, пока вчера не запыкал проклятый маяк.

Зомбак вновь заворочался, неосознанным, полусонным движением облапил её за грудь. Впрочем, даже когда он проснётся окончательно, все его движения останутся чуть-чуть заторможенными. Просто глаза будут открыты и звуки начнёт издавать. Человек как-никак... тирольский...

Маячок гудел в ровном неумолимом ритме, напоминающем толчки, словно зомбак уже приступил к утреннему совокуплению. Лямишка из висящего на шее кошеля сама скользнула в руку. Маяк, пискнув, умолк.

Глава 2

Илья Ильич открыл глаза. Как обычно бывает на новом месте, потребовалась секунда, чтобы понять, где ты и как сюда попал. Вспомнилось легко, просто, безо всякого надрыва. Собственная смерть (вот уж с чем, кажется, трудно примириться!), равнина, залитая нихилем, топтание на месте, нелепый мешок, полный мнемонов и лямишек, рейки, раёк, рассыпающийся отработанный пылью, щеголеватый сыщик Афоня, который сыскал его на равнинах Лимбо, успокоил, одел и привёл сюда. Место, куда они попали, больше всего напоминало придорожную гостиницу, старомодный мотель, таверну, трактир – вот только ни дороги, ни тракта, ни вообще хоть какого-нибудь пути тут не было. Почти сразу за забором начиналось безвременье, заполненное тусклой хлябью нихилия. Но по эту сторону зеленел скудный садик, стояли выгащенные на улицу столики и пахло шашлыком.

Хозяин заведения встретил их как старых знакомых. Афанасию запросто кивнул, а к Илье Ильичу подошёл персонально, поклонился, отрекомендовавшись как уйгур и не добавив никакого имени. Хотя, возможно, он и в самом деле был уйгуром. Об уйгурах Илья Ильич знал только, что они в родстве с китайцами и считаются лучшими в Азии кулинарами. Трактирщик и впрямь был невысок, желтолиц и косоглаз, хотя ни сашими, ни ласточкиных гнёзд в меню не оказалось. Шашлык, впрочем, был хорош, равно как и овощи с острым соевым соусом.

Стоило всё дёшево, причём шашлык оказался дешевле, чем манты, а те, в свою очередь, стоили меньше, чем салат из зелёной маргеланской редьки, заправленный чем-то невообразимо острым и пахучим. Во всяком случае, за ужин на двоих и за комнаты себе и Афанасию Илья Ильич расплачивался лямишками, не тронув основного капитала. Хотя кто знает, много или мало пять лямишек за порцию фунчозы? И десять лямишек за отдельную комнату и свежую постель? Единственное, что покуда сумел узнать Илья Ильич, что в одном мнемоне ровно триста шестьдесят лямишек, а мнемонов у него в кошельке было много, уж никак не меньше сотни.

Как Афанасий доставил его сюда, Илья Ильич сказать не мог: они просто очутились возле распахнутых ворот, а навстречу уже выходил приветливо улыбающийся уйгур. Сложивши руки у груди, церемонно поклонился Илье Ильичу, а сыщику сказал со значением:

– С прибылью вас, Афанасий Нилыч!

– Да есть немного, – скромно отозвался Афоня. Он подвёл Илью Ильича к столику, усадил и, наклонившись, быстро зашептал: – Это он намекает, чтобы я ему долги вернул... Видит, что новичка привёл, значит – при деньгах. А я ему много должен. И кто только придумал этот обычай – долги отдавать?.. Погоди тут моментик, я с хозяином рассчитаюсь и живой ногой обратно...

Уйгур с Афоней скрылись в доме, но меньше через минуту явились вновь. Видимо, расчёты здесь проводились быстро и безо всяких расписок.

– Вот, теперь можно весёлым пирком и за свадебку! – возгласил Афанасий, усаживаясь за стол. – Хозяин, давай сюда всего, на что у меня денег хватит. Достатки мои ты знаешь, а в долги я сегодня залезать не намерен. Дай хоть день побыть бедным, но гордым!

Уйгур поспешил на кухню, тут же появился оттуда с подносом, уставленным кушаньями, выдававшими его национальность. Был здесь сотейник с рыбным хе, огромный ляган, на котором горой возвышался горячий плов, блюдец с катыком, густым, как рыночная сметана, жгучая чимча, которую Илье Ильичу впервые довелось попробовать в Ташкенте, нарезанная аккуратными скибками дыня, шербет и прозрачные кристаллы навата в расписной фаянсовой чашке.

– Жрачка здесь дешёвая, – пояснил Афанасий, разрывая напололам лепёшку лаваша. – Но не вздумай ничего заказывать. Всегда бери только то, что есть в меню. Заказные блюда вдесятеро дороже...

Из-за дома появился ещё один человек, бледный и длинноволосый, с беспокойным тёмным взглядом, выдающим фанатиков и душевнобольных людей. Афанасий сказал ему что-то по-английски, незнакомец коротко ответил, присел на краешек стула и принял кусок лепёшки.

– Ты угощайся! – щедро предложил Афанасий Илье Ильичу. – Хе у уйгура знаешь какое? Он карпа не признаёт, а только три рыбы: чир, хариус и таймень. Попробуй, сразу почувствуешь.

За полвека вкус того блюда, каким угощали Илью Ильича узбеки, подзабылся, но хе оказалось удивительно вкусным, тем более что Илья Ильич, измученный непрерывными болями, не ел почитай уже неделю, и сейчас каждый кусок доставлял ему настоящее блаженство. Афоня пировал вовсю, видно было, что ему тоже пришлось немало попоститься в последнее время. Приглашённый господин сидел на стуле, выпрямившись и крепко сжимая поданный кусок, к которому, кажется, не собирался притрагиваться.

– Это знаешь кто? – спросил Афанасий, утирая салфеткой жирные губы. – Это знаменитый проповедник. Сам он из Северо-Американских Штатов. Паствы у него там было – не пересчитать. Небось прихожане думают, что он среди праведников пирует, а он тут, с нами сидит. Он и сам верил, что в раю будет жить, да и теперь от своего не отступается. Дурака жизнь ничему не учит. Он сюда богатеem попал, аж жуть берёт, ежели представить. А как очутился среди нишля и деньги увидал, то решил, что это ему такое испытание от бога положено. Деньги расшвырял и думал, что немедля в раю очутится. Ну и очутился... сам понимаешь где.

– Так мы его произведение видали? – спросил Илья Ильич.

– Не. Его раёк в другом месте, да и поновее будет. Туда и сейчас постороннему соваться не стоит, получишь от архангела мечом по кумполу – мало не покажется. Квакерский рай суровый, туда чужих не пускают.

Квакер сидел, неулыбчиво глядя на обедающих. По сухому лицу было невозможно определить, понимает ли он, что разговор идёт о его особе.

– Ему и сейчас, – продолжал Афоня, – денег порой отваливается, хотя всё меньше и меньше. Но он их не бережёт, не-е!.. расшвыривает безо всякой пользы. Ни себе, ни людям. Сыщики его, бывает, прикармливают из жалости, так ведь изредка. У нас вроде как примета образовалась: повезло, нашёл новичка – дай квакеру кусок. Уйгур на задворках ночевать позволяет, но в комнаты не пускает, там за деньги. Чем ещё жив сердешный – не знаю.

– Да бог с ним, – оборвал Илья Ильич, не привыкший жалеть сектантов. – Ты лучше расскажи, как тут нормальные люди живут?

– Значица, так. – Афанасий наклонился через стол. – Ты, главное, запомни: презренный металл тут важнее всего. Ты небось уже понял, с деньгами у нас всё можно, а без денег, как в песне поётся, жизнь плохая, не годится никуда. Что сколько стоит – поначалу меня спрашивай, а там разберёшься. Но главное – в долг никому ни лямишки. В рост будут предлагать, под любые проценты – не давай! Тут так: выпустил из рук – пиши пропало.

– А чего ж уйгур тебя ссужает? – поинтересовался Илья Ильич.

– Это я один такой блаженный... – отмахнулся Афоня. – Честный я, а уйгур меня знает как облупленного. К тому же сейчас долг зажму, так потом кто меня выручит, когда на мели окажусь? Опять же, куда бы я тебя привёл, если долги отдавать не желаю? Дело наше сыщичкое – сегодня при мнемонах, завтра и лямишке рад.

– Понятно. Но ты всё-таки скажи, те люди, которых я при жизни знал, а они прежде меня умерли, они тоже здесь? Как увидеться-то с ними?

– Погоди, это вопрос не сегодняшний... Ты сначала должен научиться всему, что тут нужно. Да хоть бы как с людьми разговаривать? Ты учти, здесь живых нет, обычаи иные, а обиды старые. Родных ты, поди, и не узнаешь, особенно кто молодым представился.

– Я Марка Твена читал, – хмуро сказал Илья Ильич.

– Ишь ты, – Афанасий прищелкнул языком, – второй уже человек этого Марка поминает. И что, он жив покуда?

– Сто лет как помер.

– Тогда не иначе он в Цитадели. Как-нибудь соберусь, почитаю твоего Марка.

– И всё-таки... – напомнил Илья Ильич.

– А что всё-таки? Вот был у тебя при жизни заклятый враг. Так в том мире ты его запросто мог со света сжить. Хоть самому подкараулить, хоть... ну, в общем, были способы. А тут никуда никого не сживёшь, все и без того на том свете. Да и вообще, никакой подлянки не сделать, разве тот совсем тупой окажется. Только и можно, что не встречаться. Вот земляки наши, особенно кто после войны сюда попал, все Гитлера ненавидят. А Гитлер он тут, при больших деньгах, между прочим, рукой не достанешь. И ничего ему не сделать, по второму разу на тот свет не отправишь. Только и можно, что забыть его поскорей.

– Вот оно как...

– А ты думал! Война меж мертвецами – последнее дело, а из-за живых дел, так и вовсе глупо. Люди они разные, и правды здесь скрывать не принято, всё равно, кто захочет, тот всё узнает. Но и презирать людей за то, как они жили, тоже не принято. Вот я, скажем, сыщик. Так я и на том свете сыщицким ремеслом кормился. В ОГПУ работал, на хорошем счету был. Вот только расстреляли меня в тридцать шестом. Как Ежов Ягоду скинул, так меня и расстреляли. И за что, спрашивается? Служил верой-правдой и впредь служить был готов... Добро бы ещё узнали, что я и до семнадцатого в сыском работал, так нет ведь, просто так в расход пустили, от излишнего рвения.

Илья Ильич молчал, пристально разглядывая собеседника, у которого оказалась такая богатая биография.

– И вот, скажем, повстречаю я тут своего следователя – и что? А ничо, привет, скажу, Антошка! Как ты, своим ходом сюда, с тёплой постельки или тоже добрые люди помогли? А больше ничего не скажу, потому как теперь мы с ним на равных, оба окочурились.

– Да-а... – наконец вымолвил Илья Ильич. – Занятно.

– А ты ничего мужик, – вдруг произнёс Афанасий. – Это же я тебя проверял, как ты мои уроки понял. Вот дал бы ты мне сейчас в хрюкальце или в глаза плюнул, так сразу бы почувствовал, что не надо было этого делать. А я бы заработал на тебе побольше, чем честным трудом. У нас судей нет, расчёты сами собой ведутся. За мордобой полагается три десятка мнемонных штрафа, половина – битому, половина – в казну. Хрястнул по зубам, сразу твоя мощна полегчала, а моя наполнилась. А зубы новые вырастут, народ здесь здоровый, болеть незачем.

– Так ты придумал про службу в органах или правду сказал?

Афанасий раздвинул волосы, так что стали видны пролысинка и корявый шрам чуть повыше виска.

– Видишь? Это от пули след, после контрольного выстрела. Специально оставил, скептикам показывать вроде тебя. Конечно, я не в расстрельной команде служил, а был филёром, или, по-нынешнему, топтунком, хотя служба есть служба и случается на ней всякое. Так-то. Я врать не люблю. Правда всегда ядрёней, у неё привкус такой, что не спутаешь. Ты готовься, тебе всякой правды узнать предстоит, так моя ещё шуточкой покажется. Да ты не дёргайся, я ничего личного в виду не имею. Я вообще о людях говорю. Ну вот, скис... а ведь поначалу молодцом держался. Ладно, хватит о плохом, давай лучше выпьем.

Афанасий, словно фокусник, выдёргивающий из шляпы кролика, вытащил откуда-то трёхлитровую бутылку мутновато-зелёного стекла. Бутылка была заткнута корковой пробкой и залита сургучом. Афанасий привычным движением крутанул бутылку, глядя на просвет, как вихрятся по кругу мелкие пузырьки.

– Монополька, – сказал он ласково. – Такой у вас, считай, уже сто лет не делают.

– Куда столько?.. – тихо ужаснулся Илья Ильич.

– Пить, куда ж ещё, чудак-человек? А что много, так сам посуди: мерзавчик три лямишки стоит, и четверть – тоже три лямишки. Это же дешёвка! Вот я и беру, чтобы с запасом. Которые молодые, те так не умеют, для них поллитру создать – предел мечтаний. А мне – запросто.

– Спивается народ при таких ценах?

– Не, кто мог спиться, тот ещё при жизни спился. А нам зачем? Хочешь, я её под куст вылью? А если не хочешь, то давай по маленькой, для пищеварения и взаимопонимания...

Квакер осуждающе смотрел голодными глазами.

К вечеру само собой случилось, что за совместный ужин и комнаты заплатил Илья Ильич.

– Ты гля, земля... – заплетаящимся языком твердил Афанасий, – у нас тут всё как у людей, вечер бывает, а завтра утречко настанет, во как! А в нихиле ничего этого нет, не надейся... Там всегда не то вечер, не то затмение. Плохо в нихиле было, да? А я тебя оттуда вытащил. Работа у меня такая, сыскать человека, на путь наставить, уму-разуму научить. Отловили бы тебя бригадники – как липку ободрали бы. У них налоги знаешь какие? Ты же богатый, а в здешней жизни ни хренища не смыслишь. Коммунальные сборы – не плати. Усёк? Нет у них никакого коммунального хозяйства, всякая срань сама по себе в нихиль уходит. У них под городом тоже нихиль, просто фундаменты попрочнее. Ненавижу бригадников, сами ничего не умеют, а у меня хлеб отбивают... И город ненавижу! Па-думаешь, город! У нас тут ничуть не хуже. Кустики растут, бесплатно, между прочим, а в городе захочешь в парк войти – денежку гони! Жмоты! А хочешь, мы соловья заведём? Я знаю одного, он может продать, настоящего. Будет у нас песни петь. Дорогой, чертяка, полста мнемонюв... но если хочешь – покупай! А что, в самом деле?.. Вон квакер и то не все деньги расшвырял. Распятие сделал и уйгуру за так подарил, у него теперь на стенке висит. А?.. Ну так что, покупаешь соловья?..

Илья Ильич еле отвязался от непрошеного приятеля.

И вот теперь, проснувшись, Илья Ильич лежал в чистой постели и пытался осознать, что же всё-таки происходит вокруг. Первым делом он обнаружил кошелёк на шее, хотя с вечера снял его и сунул под подушку. Хотя вроде Афанасий говорил, что мошну здесь ни потерять, ни украсть невозможно, только потратить деньги или добровольно отдать. И ещё какие-то налоги есть: одни собираются сами собой, другие надо платить.

Впрочем, этот вопрос волновал Илью Ильича всего менее, покуда хватало и глобальных вопросов, ответов на которые Илья Ильич так и не услышал.

За стеной Афанасий разговаривал с хозяином. Говорили громко, не скрываясь, но понять ничего не удавалось, язык был явно не европейский. Уйгурский, может быть, или китайский... Сыщик вчера жаловался, что китайцев среди новопреставившихся слишком много, приходится язык учить. Впрочем, с тридцать шестого года можно и выучить.

Илья Ильич ослабил тесьму, высыпал на ладонь немалую кучку мнемонюв, пригляделся к ним, благо что утренний свет позволял. Монеты как монеты, новые, ни одной потёртой. Кто же их чеканит и где? Опять же, как они чудеса делают? Вот что узнать бы... хотя этого Афанасий, видимо, не скажет. Скорее всего, он и сам не знает, принимает потусторонний мир как данность и живёт себе. Быть может, оно и есть самое правильное.

Голоса за стеной звучали сердито, там явно выясняли отношения. А ведь не иначе о нём спорят, всё-таки новое лицо. Судя по всему, не так много в таверне постояльцев, хотя, казалось бы, каждый день тысячи людей помирают. Если и впрямь люди сюда попадают богатыми, то встреча и устройство новичков должны быть поставлены на широкую ногу. Афанасий, впро-

чем, упоминал каких-то бригадников. Должно быть, это и есть профессионалы, а сам сыщик и уйгур заодно – кустари-одиночки. Значить это может что угодно. Возможно, он попал в лапы мошенников, которые зарятся на его кошелек. Хотя не исключено, что он избежал жерновов государственной машины, которая мигом выпотрошила бы его начисто. Вот и гадай... всегда хочется верить в лучшее, но когда новые знакомые разговаривают так, чтобы ты их не понял, это невольно внушает опасения.

Илья Ильич гневно сжал кулаки. От каких мелочей зависит судьба! Если бы он понимал, что там говорят...

На мгновение кулаку стало жарко, а монеты, зажатые в пясть, словно усохли. Илья Ильич разжал кулак и увидел, что денег стало значительно меньше, по крайней мере десятков мнемоннов исчез мгновенно. А ведь это сумма, на которую, по прикидкам Ильи Ильича, можно чуть не полгода прожить! И одновременно Илья Ильич сообразил, что понимает спорящие за перегородкой голоса. Афанасий и уйгур продолжали ругаться по-китайски, и Ильи Ильичу это было известно, но язык стал словно родной, и если бы Илья Ильич захотел, он мог бы вмешаться в спор и говорил бы на том же языке, как будто всю жизнь так разговаривал.

Ай да денежки, ай да лямишки! Вот только как бы не разориться таким макаром...

– Ну чего ты ко мне привязался!.. – захлёбывался неподалёку голос Афанасия. – Ну выпил я вчера, так ничего ж такого не наговорил. Он и не поймёт ни хрена, ведь первый день всего тут.

– Порядок есть порядок, а договор – договор, – скучно отвечал уйгур. – Кто тебя просил про город рассказывать? Вот уйдёт он сейчас, и что?

– А хоть бы и ушёл, поблуждает денёк в нишле, потом крепче прежнего за меня держаться будет. А уж я его теперь в любую минуту сыскать могу, ориентировочка у меня на него есть.

– За этот день его бригадники подберут. Зачем он нам тогда? Его ж не выпустят, пока до нитки не разденут.

– Не пугай, не подберут. Мелкая рыбка в большом неводе не стрянет. Да и не разденут совсем-то, кой-что и тебе достанется.

– Всё равно, зачем про город рассказывал? Зачем сам его одевал? Кормил дешёво зачем?

– А затем, что он мне земляк! Это ты прежнюю жизнь позабыл, а я покуда нет. Сыщики все такие, как бы я свежего человека чуял, если бы память потерял? Так что хватит с тебя и малой денежки, а большую ты с квакера гребь. Я его тебе с потрохами сдал, вот и пользуйся.

– У квакера никаких денег нет, того и гляди развоплотится.

– Ты ври, – протянул Афоня, – да не завирайся! Чтоб мне так деньги сыпали, как они квакеру идут. А что не держатся они, так ведь все к тебе попадают. Думаешь, я не знаю, как ты с ним наловчился? Отлично, хорошо знаю! Нам такие фокусы с детства знакомы! Всё, договорились, квакер твой, что хочешь, то с ним и делай, а профессора я себе беру. Подумаешь, что-то не так ему спьяну болтнул, всё равно он ни хрена не понял, и я около него ещё десять лет ошиваться буду, хоть по лямышке, а всё прибыль. Ничего я там не испортил.

– Ты нарушил договор. – Кажется, уйгура заклинило на эту фразу. – Я всё делал, как договаривались, я в ваши разговоры не вмешивался, подавал, что ты заказывал, отозвал тебя, будто бы долги отдавать, всё, как договаривались. А ты поступил против своего слова и нанёс мне убыток.

– Убыток?! Сколько твоя комната стоит?.. А ты сколько слупил? И с меня, между прочим, тоже!

– За тебя платил клиент...

Илья Ильич встал, неслышно вышел из комнаты. Не хотелось дальше слушать разговор, в котором заранее делили твои деньги, называя тебя клиентом и налепляя дурную кличку. Главное, он выяснил: попав сюда, он действительно избежал жерновов государственной машины,

но очутился в лапах мошенников. И уйти отсюда, похоже, не удастся, разве что в никуда, где его в скором времени подберут бригадники и уже не выпустят, пока не разденут до нитки. Хороша перспективка, однако...

Есть ещё какой-то город, о котором по пьяни проболтался Афонька. Хотя и в городе вряд ли мостовые вареньем намазаны. Куда ни кинь – всё клин. Знал бы, что тут так встречают, честное слово, помирать бы не стал.

Внизу, возле кухни, запертой на висячий замок, стоял проповедник и мыл в большом тазу посуду. Ту самую, с которой Илья Ильич вчера ел хе из тайменя и иные экзотические кушанья.

– Гуд морнинг, – сказал Илья Ильич, подходя.

Квакер коротко глянул и отвернулся, ничего не ответил.

– Сэр, – произнёс Илья Ильич, странно уверенный, что говорит по-английски, – должен предупредить, что вас здесь обманывают. Деньги, которые у вас были, – это не вполне то, что вы думаете. Судя по всему, это и вовсе не деньги, а владелец гостиницы вымогает их у вас из корыстных соображений.

– Мне это известно, – не отрываясь от своего занятия, ответил квакер. – Мне известно более того: дьявол не дремлет, и козни его простираются на весь вещный мир! Могущество князя тьмы велико, и многие прельстились его деньгами. Но эти же деньги доказывают, что сей мир также есть мир вещный, и люди, опрометчиво полагающие, будто сбросили с себя ветхого Адама, обмануты. Сюда принесли они свои грехи: алчбу и блуд, ложь и всякую скверну! Но близится час ярости господней! Покайтесь, покуда есть время, отриньте бесовский соблазн...

Илья Ильич развернулся и молча вышел. Он уже давно не спорил с проповедниками, особенно с нетерпимыми, поминающими ярость господню. «Учить глупца...» Что бы ни скрывалось за подслушанной фразой о развоплощении, квакер к этому стремится, веря, что настоящая жизнь ему только предстоит.

Во дворике было пусто и тихо. Похоже, что во всём постоялом дворе было сейчас всего четыре живые, а вернее, скончавшиеся души. Илья Ильич подошёл к калитке, открыл, выглянул наружу. Долина Лимбо простиралась перед ним. Нихиль, нихиль... ни бугорка, ни движеньица, никакого следа миллионов людей. Где здесь искать город? Вероятно, это можно сделать с помощью денег, вот только знать бы как. Зажать монеты в кулаке, пожелать... – и вновь потерять кучу мнемон. Кажется, сегодня утром он крепко приблизил таинственное и неприятное развоплощение. Пожалуй, пока с экспериментами стоит погодить, тем более, как явствует из подслушанного разговора, Афанасий и вправду проникся к нему добрыми чувствами и собирается не грабить его немедля, а лишь слегка попользоваться чужим кошельком. Что ж, свой завтрак Афоня заслужил, а если расскажет что дельное, то и обед заслужит.

Илья Ильич прикрыл калитку и вернулся к дому. Оттуда, морщась и потирая лоб, выполз Афанасий.

– Ох, – сказал он, глядя измученным, но честным взором. – Ну и надрался я вчера! Ничего не помню, головка – бо-бо, денежки – тью-тью! Я хоть не хамил, вёл себя прилично?

– Вполне, – успокоил Илья Ильич.

– Это – куда ни шло. Но я больше не пью. Завязал и бутылку уйгуру отдал, пусть в уху понемногу доливают. Уйгур сегодня уху собрался творить, с налимьими печёнками.

– Вот что, – твёрдо сказал Илья Ильич. – Уха – это хорошо, но ты мне прежде объясни, прямо и без виляний, что здесь, собственно, происходит? Как люди живут, чем на жизнь зарабатывают. Мнемоны эти самые – откуда и зачем? Рассказывай всё, сразу и без подготовки.

– Как живут? – страдальчески переспросил Афанасий. – Сам видишь, как живут. Башка трещит с похмелья. Думаешь, покойнику и похмельяться не надо? А зарабатывать тебе рано, всё равно ты ничего не умеешь.

– Научусь.

– Кто бы возражал... Хочешь – пошли.

Они отправились в комнату Афанасия, точно такую же, как и та, в которой ночевал Илья Ильич, отгороженную лишь тонкой, для всякого звука проницаемой перегородкой.

– Садись, – Афанасий кивнул на кресло. – Лет-то тебе сколько?

– Восемьдесят четыре, – чётко выговорил Илья Ильич, ожидая, что сейчас Афоня, который, судя по дате его смерти, давно сотню разменял, заговорит о старости и заслуженном отдыхе. Однако Афоня лишь пробормотал: «Так-так...» – потёр измученную перепоем голову и приступил к делу:

– Для начала надо тебя подправить. Пожито у тебя хорошо, и в этом виде ты ни для какого дела не годишься. А что, ты и вправду профессором был?

– Не был я никаким профессором. Я инженером-строителем был. Дороги строил по всей стране.

– А мне с чего-то показалось, что ты профессор. Книги читаешь... Да... Дороги здесь строить, сам понимаешь, ни к чему. Тут и дома строить не больно нужно, а ежели кто вздумает новый особняк ставить или, скажем, жилой дом, то не к строителям обращается, а к архитекторам. И уж они к нему в очередь стоят. Иной сам готов приплатить, лишь бы ему позволили любимым делом заняться.

– Всё равно без строителей никак. Архитектор – само собой, инженер – само собой.

– Ты ещё каменщика припомни и печника, – саркастически заметил Афанасий. – Ты вон дубинку свою создал без дровосека и без лесопилки. Так и архитектор дом может сделать безо всяких каменщиков и кровельщиков; были бы деньги да голова на плечах.

– Как же тогда обычные люди на жизнь зарабатывают? Те, что не архитекторы?

– В том-то и дело, что никак. То есть исхитряются, конечно, но в основном – никак. Вот у тебя для начала деньжищ много, и всё за красивые глаза. С год, наверное, так будет, а потом – изволь пристроиться, раз ты не профессор... Впрочем, в этом я не помощник. Сыщиком ты, всяко дело, быть не сумеешь, тут талант нужен особый. Хотя без таланта у нас вообще пропадёшь: конкуренция огромная, а мест, сам понимаешь, маловато. Уйгур, думаешь, не талант? У него в начале века ресторан был китайский в Томске. На всю Сибирь гремел! А тут – харчевню едва содержать может. Три постояльца, так он и им рад. А как готовит, стервец! Чуешь запах? Отсюда шибает, и слюнки даже у меня текут, хотя после вчерашнего всякий аппетит отсутствует.

– Не чую, – сказал Илья Ильич. – У меня вообще с обонянием худо.

– Всегда было худо или только сейчас?

– Только последние двадцать лет, – усмехнулся Илья Ильич.

– Это поправимо. За деньги, конечно. Ты уже понял, что здесь всё за деньги, а так ничего не бывает?

– Я это семьдесят лет назад понял.

– Тем лучше. Но только учти, дела сейчас пойдут дорогие... Тебе много капитала пришло за вчерашний день?

– Представления не имею. А он что, прибывать должен?

– Слушай, – поинтересовался Афанасий, – а ты случаем не святой? Ты хоть пересчитал вчера, сколько у тебя монет в кошельке? Хотя бы мнемонов? На лямишки покуда можешь не размениваться.

– Нет, – признался Илья Ильич. – Мне как-то в голову не пришло.

– А я так каждый день пересчитываю – вдруг там шальная лямишка объявится? Впрочем, дело твоё. Ты, главное, меня слушай. Так вот, монетины у тебя в кошельке не простые, с ними всякие чудеса делать можно, а не только палки пилить и раешники устраивать. Можно, например, омолодиться. Душа прежняя останется, а тело как у двадцатилетнего. Я-то омоложиваться не стал, мне сорок один был, когда меня шлёпнули, вот я таким и остался, возраст хороший. А тебе молодеть нужно, хоть это и дороговато. Можно и вовсе тело поменять, будешь

как Иван Поддубный. Некоторые даже в баб превращаются, а иные бабы – в мужиков, извращенцы какие-то...

– Трансвестизм, – вставил умное слово Илья Ильич, – генетическая болезнь.

– Но ты-то у нас здоровый. Давай вот так: старцем восьмидесятилетним тебе ходить не с руки, но и в молокососа обращаться не советую.

– Марка Твена читал, – напомнил Илья Ильич. – «Путешествие капитана Стромфилда в рай». Там об этом всё чётко сказано.

– Тем лучше. Советую тебе на сорока годах остановиться. И чужое тело выбирать не вздумай, это для твоих генетических транзистов и всяких уродов. Был бы ты горбатый или слепой – тогда иное дело. Тут горбатых исправляют быстро. Но такие вещи только в специальных салонах делают, и стоит оно многие сотни. А я тебя всего за одну сотенку омоложу.

– А денег у меня хватит? Я не считал, но...

– Посчитай. – Афанасий пожал плечами и демонстративно отвернулся, давая понять, что чужими деньгами не интересуется.

Илья Ильич высыпал на ладонь часть мнемонеров и принялся пересчитывать. Отобрав сотню штук, он обнаружил, что кошелек, как ни странно, по-прежнему полон. Монеты лежали плотно – только-только чтобы можно было вынимать их безо всяких хлопот.

– Ну как? – спросил Афанасий, не оборачиваясь.

– Он что, бездонный?

– Ага, бездонный. Всыпать туда можно – сколько хочешь, всё влезет. Но вынуть – сколько есть и ни лямишкой больше. Так что ты поглядывай, сколько там остаётся. А то некоторые гусарить начинают, думают, им всё по карману... Сотню-то набрал?

– Набрал вроде...

– Значит, за сотню мнемонеров согласен омолодиться, – произнёс Афанасий, повернувшись лицом. – Чтобы быть тебе в прежнем теле, но в возрасте сорока лет.

– Что-то ты стихами заговорил. – Илья Ильич усмехнулся. – «Чтобы жить мне в окияне-море, чтоб служила мне рыбка золотая и была б у меня на посылках».

– Мы так не договаривались! – резво возразил сыщик. – Я таких вещей не умею, да и денег не хватит. На эту сумму разве что прудок выкопать можно, да и то лягушки за отдельную плату пойдут.

– Так это что, вроде договора? – спросил Илья Ильич.

– А ты думал! Дело денежное, тут точность нужна. Это тебе не костюмчик, который полмнемона стоит. Сумма-то немаленькая, у меня столько нет.

– Понял. Виноват, исправлюсь.

– Тогда повторяю. Согласен ли, чтобы я омолодил тебя за сто мнемонеров, чтобы быть тебе в прежнем теле, но в возрасте сорока лет и безо всяких хворей?

– Согласен.

– Давай деньги.

Илья Ильич пододвинул кучку монет, Афанасий споро пересчитал их, пересыпал на ладонь, прикрыл сверху ладонью правой руки и зажмурился, сосредоточиваясь.

– В прежнем твоём теле, сорокалетним и здоровеньким, – повторил он как заклинание, а затем жестом фокусника развёл руки.

Ладони были пусты, монеты исчезли.

– И что дальше? – спросил Илья Ильич.

– А ты к зеркалу подойди.

Зеркала в комнате не было.

– Ничего, – сказал Афанасий. – В холле у хозяина висит. Да ты встань, попрыгай, вообще почувствуй, каков ты есть.

Илья Ильич опустил взгляд на собственные руки. Ещё минуту назад они были морщинисты и покрыты тёмными пигментными пятнами, а теперь он увидел две сильных руки, такие, какие помнились ему с давних пор. Илья Ильич поднялся с кресла, одним резким движением, не подтягивая предварительно ног, не разгибая спину. В зеркало можно было не глядеться, каждое движение не испорченного долгими годами тела подтверждало, что дряхлость исчезла неведомо куда. За такое не жалко было отдать сто монет, что бы эти монеты ни значили.

– Спасибо... – растроганно пробормотал Илья Ильич.

– А!.. Проняло! Погоди, то ли ещё будет. А сейчас пошли к столу. Теперь небось и ты чуешь, что хозяин нас сегодня хашем лакомить будет. И не хотел я больше пить, но хаш без выпивки кушать нельзя, заворот кишок может случиться. У нас это не смертельно, но очень больно. Во избежание придётся остограмниться. Водку я уйгуру взаправду отдал, ну да ничего, он чачу подаст, я его знаю.

Остаток дня прошёл бессодержательно. Они много и вкусно ели (уйгур действительно оказался кулинарным гением), но на все вопросы о городе, о будущей жизни, о том, как всё-таки понимать загробную жизнь, Афанасий отвечал невразумительно, всё более ссылаясь на грядущие времена, когда подопечный достаточно приобвыкнет, чтобы самому всё понять. Квакер угрюмо молчал, не обращая внимания на происходящее, или бормотал молитвы, неразборчивые, несмотря даже на приобретённые Ильёй Ильичом способности полиглота. А хозяин, насколько можно судить, знать ничего не знал, кроме своих сковородок и казанов. Он был полон искреннего желания услужить, и, если бы не подслушанный разговор, в его искренность захотелось бы поверить.

Вспомнив о намерении честного Афанасия сосать из клиента денежки понемногу, но зато долго, Илья Ильич за обедом демонстративно заплатил за себя одного, и Афоня, слова не сказав, полез в кошелёк и выложил свои двадцать лямишек. Сколько у сыщика монет в кошельке, Илья Ильич не смог определить даже приблизительно. В любом случае – достаточно, ведь уйгур ясно сказал, что никаких долгов у Афанасия не было, а был фарс, разыгранный, чтобы благодарный клиент мог взять на содержание обедневшего благодетеля. Значит, деньги, полученные от Ильи Ильича, у Афанасия целы и невредимы. Вот и пусть платит. Сам же учил: просто так никому ни лямишки не ссужать.

Вечером, когда невидимое солнце окрасило поднебесный туман, очень похожий на nihil, только не расстилающийся под ногами, а нависающий сверху, Илья Ильич, устав от бесплодных обещаний и уклончивых ответов, объявил, что завтра с самого утра он хотел бы попасть в город и если Афанасий не может его туда доставить, то он отправится сам, пешим ходом.

– Рано тебе, рано! – страдальчески вскричал Афанасий. – Там же не люди – волки! Съедят тебя и костей не выплюнут. Знаешь, сколько стоит номер в городской гостинице? Мнемон в день! В тридцать шесть раз дороже, чем тут! А жратва? Хоть и не слишком дорого, но всё равно здесь дешевле. Ты хоть сумеешь шикарный ресторан от забегаловки отличить? На первый-то взгляд они все одинаковы. А поборы городские? Что ни шаг, а хоть лямишку да слупят. Гляди, разоришься, будешь квакать с голоду, как наш квакер. Это сейчас уйгур тебе кланяется, деньгу потому что чует, а нищего он тебя и на порог не пустит. И никто не пустит, так в нихиле и сгинешь. Пойми ты, здесь экономнее!

– Так можно все деньги проэкономить, а жизни не видать, – отрезал Илья Ильич. – Раз уж так пришлось, то мне сына искать надо, жену, друзей. Решайся, отведёшь меня в город или мне самому тащиться? Сюда ты меня за счёт заведения привёл, а за доставку в город – даю мнемон.

– Что мне твой мнемон, мне тебя жалко!

– То есть не хочешь идти? Мне одному отправляться?

– Ишь какой борзый – пешком в город собрался! Ты в одиночку туда вовек не доберёшься. Туда и с провожатым-то не вдруг попадёшь. Мы же в нихиле: и таверна, и город, и всё

остальное. Нихиль текущий, никто не знает, куда нас за эти дни унесло. Называется – дрейф. А город ещё и эманурует, понял, профессор? Ясен пень, что я туда не хочу! Ломаться полдня, а ради чего?

– Так мне одному идти? – упрямо повторил Илья Ильич.

– Заладила сорока Якова! – Афанасий ажно плюнул от огорчения. – Ладно, сведу я тебя в город за два мнемона. Только не завтра. Завтра на разведку сбегаю, присмотрю, куда твой город любимый уплыл, а послезавтра с утрачка отправимся. Один день ты ещё прождать можешь?

– Один – могу, – сдался Илья Ильич.

А вечером, запершись в своём номере, Илья Ильич, словно в дурном детективе, подслушивал тайную беседу сыщика Афанасия и уйгурского повара, имени которого он так и не узнал.

– Ты говорил, он пробудет здесь не меньше недели, – занудно твердил уйгур.

– Ну говорил... А что делать, если он как взбесился? Уйду, говорит, пешком! Один день я тебе выторговал, даже два. Завтра пойду будто бы на разведку и пропаду на пару дней. А ты, значит, беспокойся, но не слишком, чтобы он мне на помощь не побежал.

– С чего бы ему бежать на помощь?

– Это тебе нечего, косомордый, а он ещё свежак, законов не знает. Да и свой он, земляк он мне, понимаешь?

– Он твой родственник?

– У меня родни и при жизни не бывало. А он земляк, он из Питера, понимаешь?

– Не понимаю. По-твоему, получается, что те, кто из Томска, у меня задаром кормиться должны только потому, что они мне земляки?

– Да у тебя вообще никто кормиться не должен! Ты и при жизни-то живым не бывал...

Перекоры пошли по второму кругу, раздосадованный Илья Ильич натянул на голову одеяло, чтобы не слышать.

Наутро выяснилось, что Афанасий убыл на поиски обещанного города. Уйгур сообщил это проснувшемуся Илье Ильичу, пообещал, что к вечеру сыщик должен возвратиться, и постно осведомился, что желает постоялец отведать на завтрак. Илья Ильич гусарствовать не стал и попросил ничего особенного не готовить. Впрочем, даже обыденный завтрак – пельмени с медвежатиной, квашеная черемша и медовый сбитень из сияющего медалями баташовского самовара опрокидывал самые невероятные представления о скромности. Одно преимущество потустороннего мира было налицо: любитель пожрать, несомненно, счёл бы это место раем.

День прошёл вкусно и бессодержательно. Уйгур возился на кухне, сооружая калю со стерляжьими молоками, квакер мыл полы, поквакивая про себя не то молитвы, не то проклятия. Во всяком случае, смысл слов, которые сумел разобрать Илья Ильич, был молитвенный, а интонации – проклинающие.

К середине дня объявился в гостинице новый человек. Высокий, горбоносый, с обманчиво медленными движениями, всё в нём выдавало опытного бойца и неутомимого ходока. Можно было не спрашивать – и без того ясно, что явился ещё один из вольных сыщиков. Одет в светло-серый комбинезон, позволяющий затеряться в нихиле, так что тебя с десяти шагов не вдруг разглядишь. По всему видать, не слишком это безопасная работа отбивать добычу у бригадников. Хотя Афоня говорил, что кулачная расправа в загробном бытии дело небывалое. Впрочем, мир на кулаке клином не сходится, было бы желание, а как ущучить ближнего, люди придумают.

Горбоносый пообедал, перекинулся парой слов с уйгуром и исчез. На Илью Ильича он даже не покосил взглядом, очевидно, среди сыщиков бытовали свои представления о приличии. Илья Ильич тоже не подошёл, интерес к новым людям у него значительно угас, теперь Илья Ильич старался осмыслить произошедшее. Чуть не весь день просидел в комнатухе, зажавши голову руками, и медленно перебирал в памяти всю свою жизнь. «Здесь ничего нельзя

скрыть», – звучали в памяти Афонькины слова. Теперь Илья Ильич догадывался, как можно узнать о человеке всю подноготную. Зажмёшь в кулаке сколько-то там деньжонок, пожелаешь – и знай на здоровье, что знать тебе вовсе бы и не следовало. Оттого потусторонний мир честен и к людским слабостям снисходительно-беспощаден. Всё на виду, чего уж там стыдиться мёртвому человеку живых дел? Значит, иная мораль, иные люди, лишь внешне похожие на тех, кого знал когда-то. Чужие люди... Это Илюшка-то чужой человек? Да он и сейчас помнит, как таскал сына на руках! Илюшка уж большой парень был, в школу скоро, а любил, чтобы его на ручки взяли, иной раз нарочно притворялся усталым до изнеможения, лишь бы на отцовских руках проехаться. А папаше тоже в радость... Потом, конечно, разошлись, вырос сынуля, свои дела появились, интересы. Отец – строитель, дороги делал, а сын как бы наоборот, взрывник, в армии сапёром был, те дороги минировал. Есть в диалектике такой закон – отрицание отрицания... «Неужто теперь сын вовсе чужим заделался? Не верю».

Старательно, словно мошенник от саентологии, Илья Ильич принялся прозванивать всю свою жизнь, начиная с первых воспоминаний, припоминать каждого человека, с которым судьба свела, а теперь может свести вновь в этом странном месте. Ведь, по сути дела, от той, прежней жизни у него остался лишь груз воспоминаний. Сюда он явился голым, и от новорожденного младенца его отличали память, изношенное тело, от которого можно так легко избавиться, да пригоршня монет с многозначительным названием «мнемон».

Родители. Отца он не помнит, отец не вернулся с войны, ещё с той, которая называется Гражданской. Погиб отец прежде Илюшкиного рождения, а мама почему-то никогда не рассказывала, каким он был. Видать, не за тех, кого надо, отправился воевать папаня. Даже непонятно, как выжила традиция, чтобы все мужчины в роду носили одно и то же имя. Бабушки и дедушки и вовсе его не застали, бурное начало века крепко проредило семью, одна лишь тётя Саша со своими счастливыми слониками выжила в Гражданскую и скончалась в далёком двадцать втором году, когда, казалось бы, жизнь начала поворачиваться к свету.

Мама. Она всю жизнь куда-то торопилась, вечно была занята. Запомнились частые, скучные её болезни и необходимость идти после седьмого класса в ФЗУ, чтобы поскорей подняться на ноги и жить без оглядки на мать. Собственно, детства у него не получилось, жизнь началась, когда он стал зарабатывать на заводе, а вечерами учиться в строительном.

А теперь, значит, он должен встретиться с матерью, ставшей чужой ещё при жизни, и с отцом, который не видал его даже в колыбели. А ещё есть какие-то деды, прадеды, прапрадеды и прапрабабки... бесконечный ряд предков, сваленных сюда, как в отстойник. И что же, они все ждут его, желают видеть, желают говорить? Спросить хотят, как он жил, не опозорил ли фамилию? А те, чьей фамилии ему не досталось, но чья кровь была в его жилах, они ведь тоже здесь и тоже чего-то хотят.

Почему тогда он сидит в этом дурацком заведении под присмотром уйгура и пронирыливого Афони, а не стоит перед семейным советом, держа ответ за бесцельно прожитые годы?

И, главное, где Илюшка и Люда, где его семья, которую он уже никогда не надеялся обрести? Пусть там будет что угодно, но он должен увидеться с женой и сыном, разрешить сомнения и большие вопросы...

Илья Ильич высыпал на ладонь кучку серебрястых мнемон, недоверчиво покачал головой. Из ума не шёл Афонин совет, повторенный не раз и не два: «Деньги держи крепче, их лишь поначалу много. И, главное, не вздумай ничего над людьми без их согласия творить. Ничего толкового из этого не получится, а по миру прежде срока пойти можешь».

Конечно, Афоня привирает, и крепко, но в данном случае, похоже, не соврал. Какие они ни будь волшебные, мнемоны, но над живыми людьми у них власти быть не должно. Даже если эти живые люди давно умерли.

Илья Ильич брякнул монеты на стол и принялся пересчитывать. Насчитал тысячу мнемон, на второй сбился со счёту, пересыпал денежки обратно в бездонный кошелёк и спрятал до лучших времён.

Голос уйгура за дверью звал к ужину.

За едой прислуживающий хозяин словно случайно помянул, что не стоит волноваться за Афанасия; в крайнем случае, если их унесло очень далеко, сыщик вернётся на следующий день. Илья Ильич, обсасывая перепелиную косточку, небрежно ответил, что и не волнуется. Афоня – мужик бывалый и непременно вернётся в срок.

Неловко было врать, хотя и вранья особого тут не было, просто Илья Ильич не показывал, что в курсе планов, выстроенных обитателями дрейфующей гостиницы. Последние пятнадцать лет состарившемуся Илье Ильичу как-то не было нужды притворяться, и он отвык от этого нехитрого занятия.

Вечер прошёл тихо, без ставших едва ли не привычными подслушанных разговоров; Афанасий добросовестно отсутствовал, и уйгуру было не на кого ворчать.

Когда окончательно стемнело, Илья Ильич поднялся, бесшумно оделся и вышел из гостиницы. Палисадничек, ограниченный высокими кустами жимолости, заливала ночная тьма. Сквозь кусты смутно сквозили серые отсветы нихиля. Илья Ильич подошёл к калитке, недоверчиво бросил взгляд в пустоту. Здесь было не так черно, как возле гостиницы, но казалось ещё беспросветнее. Очень не хотелось делать шаг в потустороннее ничто. Казалось, шагнёшь – и немедля затеряешься в нихиле, не отыщешь дороги даже к этому островку ненадёжной стабильности.

«А вдруг на калитке установлена сигнализация? – мигнула тревожная мысль. – Сейчас трону её – и начнётся трезвон! Уйгур прибежит, стыдобы будет – не обобратся...»

Илья Ильич криво усмехнулся и отворил калитку, на которой не оказалось даже щеколды. И не скрипнуло ничего и не звякнуло. Зачем? Всякий знает, силой тут никого не удержишь, а в нихиль неопытному человеку бежать – последнее дело. Помучаешься, потелепаешься в кисельке, так потом ещё и доплатишь расторопному Афоне, когда он прибежит будто бы случайно, а на деле при помощи какой-то ориентировки, которой хвалился перед уйгуром.

Так Илья Ильич и отправился в самостоятельное путешествие: в руках рейка, которую сделал сам и бросать которую не хотелось; на помолодевшем теле – стариковский костюмчик, за который сполна заплачено Афоне.

Нихиль – субстанция не из лучших, на дорожное покрытие не годится – ноги вязнут, однако сорок лет – это не восемьдесят, громада спящей гостиницы очень быстро растворилась в обманчиво прозрачном воздухе, Илья Ильич остался один на один с нихилем. Шагал, делая вид, будто помогает себе рейкой, прикидывал, как скоро совершит полный круг и вернётся ли к забору из крашеного штaketника или просто будет кружить на месте в обидной близости от жилища.

Потом впереди замаячил свет. Жёлтый прямоугольник, тёплый и зовущий. В ночь, когда не видно ни зги и небесная хмарь готова обернуться дождём пополам с мокрым снегом, вдруг появляется перед безнадёжным путником свет в окошке, и теперь есть куда спешить, в освинцованные ноги вселяется лёгкость, глаз уже не оторвать от цели, ставшей желаннее всего на свете, и веришь, что за окошком тебя ждут.

Оскальзываясь и проваливаясь чуть не по колено, Илья Ильич побежал к золотому прямоугольнику. Ни на единый миг он не побоялся, что это светится окно в комнате уйгура. Совсем близко мерцает призывный маяк, уже видно тёмное пятно стены, вырастающей прямо из нихиля, не отгороженной от потусторонней ночи ни забором, ни чахлыми кустиками. На тёмном обозначился ещё один прямоугольник света – дверь, и там объявилась согнутая тшедушная фигурка:

– Илюшенька, ты, что ли? Пришёл... Ну, заходи.

Глава 3

С некоторым удивлением разглядывал Илья Ильич незнакомую старушку, худенькую и такую эфемерную, что казалось, будто сейчас она рассыплется, обратившись в шепот отработки. Память на лица у Ильи Ильича была отличная, однако он был вполне уверен, что никогда прежде не встречал этой женщины, которая называла его по имени, словно доброго знакомого.

– Спасибо, Илюшенька, что не забыл старуху, – напевала бабулька, прикрываясь от небытия непрочной фанерной дверью.

Илья Ильич прошёл на середину комнатёнки, огляделся. Давно уж, много лет не видал он таких комнат, словно выкраденных из коммунальной квартиры полувековой давности откуда-нибудь с Большой Пушкинской, Введенской или иной представительной улицы Петроградской стороны. В таких среди грома первых пятилеток доживали свой век интеллигентные старушки с дореволюционным прошлым, те, к кому в очередях полууважительно, полупрезрительно обращались устаревшим словом «дамочка».

Комната, прежде бывшая кабинетом главы семьи или собственным уголком дочери-курсистки, а теперь оставшаяся единственным пристанищем, последним кусочком былой жизни среди нового коммунального хамства, отчаянно тщилась сохранить вид старорежимного благополучия. Книжки, толстые тома с вензелями владельца, – обязательный Шекспир, Шиллер и Пушкин в марксовском издании, какие-то безделушки, пощажённые чередой погромов и реквизиций, предмет насмешек и тайной зависти горластых подселенок... И всё это в последней степени ветхости, кажется, коснись неловко пальцем – и в образовавшуюся дыру посыплется серый порошок отработки.

– Вот видишь, как существую? – щебетала бабулька. – Хорошо хоть вообще жива, я уж полста лет как в трущобы скинута, а вот живу, твоими молитвами, Илюшенька, исключительно твоими молитвами...

– Простите, – неуверенно проговорил Илья Ильич, – дело в том...

– Не припоминаешь, да? – Старушка понимающе улыбнулась. – Теперь, Илюшенька, это уже и не важно. А я вот тебя хорошо помню. Кудрявчик ты был, словно ангелок, а баловник – до ужаса! Не ребёнок, а малолетний Сергей Есенин. Всё на полку норовил забраться, на эту вот самую...

Взгляд Ильи Ильича и впрямь приковала полочка – единственный предмет, который среди общей обветшалости выглядел прочно и, казалось, излучал основательную антикварную добротность. На полке ровным строем вышагивала шеренга резных слоников – отголосок забытой моды на всё китайское. Впереди, задрав трубящий хобот, шествовал самый большой слон, нагруженный самыми объёмистыми тюками, за ним двигался слон поменьше, следом ещё меньше... и так до самого крошечного слоника ростом едва в полсантиметра. Но и этот седьмой слон так же громко трубил, как и большие братья, и так же нёс хозяйке полные тюки лучшего китайского счастья.

– Тётя Саша?... – выговорил Илья Ильич имя, которое знал всю жизнь, но никогда прежде не произносил, поскольку в упор не помнил старуху, жившую лишь в семейных преданиях. Да и сейчас не вспомнил бы про неё, если бы не навязчивая картинка: слоники, нагруженные счастьем. Она приходила ему в голову всякий раз, когда речь заходила о раннем детстве, ведь это было первое осознанное воспоминание – резные безделушки, поразившие младенческое воображение, и имя, навеки привязанное к игрушечному каравану.

– Вот видишь, Илюшенька, вспомнил, – закивала старушка.

Она ещё что-то говорила, Илья Ильич не слышал. Удушающей волной накатило осознание, что происходящее – правда и, значит, он увидит всех, кого никогда не надеялся встретить.

Какая глупость, стоило ждать бесконечную прорву лет... Люда поступила гораздо умнее, когда проглотила свои таблетки и ушла навстречу сыну.

– Они все здесь? – выдавил Илья Ильич сквозь перехваченное горло. – Сын у меня, тоже Ильёй зовут...

– Здесь, – призналась тётя Саша. – Которые живы, те здесь.

Она подняла прозрачные, вымытые временем глаза и спросила:

– Странно слышать такое? А ведь в загробном царстве, Илюшенька, люди тоже умирают. Я бы уже давно порошком от клопов рассыпалась, пиретрумом, если бы не твои заботы. А сынок твой здесь. Повидаетесь.

– Тётя Саша! – взмолился Илья Ильич. – Ради всего святого, как мне его увидеть? Я с вами потом поговорю, и всё остальное потом, а сейчас мне бы Илюшку повидать. Знаю я, что он изменился, за столько-то лет, что не таким стал, как помнится... И что все люди здесь меняются – тоже знаю. Не надо меня ни к чему готовить, я сам разберусь, только скажите, как к сыну попасть?

– Не будет тебе никакого «потом», – вздохнула тётя Саша. – Я ведь последний день доживаю. Вот ты умирал в этом... как его?.. в доме призрения и знал, что умираешь. Так и я знаю, что мне небо коптить осталось часа два, не больше. Во мне и сути-то человеческой уже почти не сыскать.

Илья Ильич вздрогнул и замолчал. Да и что можно сказать в такой ситуации: «Простите, я не знал»? Вот тебе и «тот свет»! Вот тебе и бессмертие души!

– Брось, Илюшенька, не расстраивайся, – ласково, словно прежнего младенца, успокоила тётя Саша. – Я своё отжила ещё в прежней жизни, а это всего лишь довесок. О нём жалеть нечего... Побудь со мной эти два часа, а там и пойдёшь к своему ненаглядному.

Илья Ильич покорно кивнул, отодвинул гнутоногий венский стул и уселся.

Стул беззвучно развалился, Илья Ильич, взметнув тучу серой пыли, упал на пол.

– Осторожнее! – страдальчески вскричала тётя Саша. – Тут ничего нельзя трогать, видишь, одна отработка кругом, чуть коснёшься – всё в пыль рассыпается. Я уж который месяц сплю ровно собачонка на полу у двери.

– Я сейчас поправлю! – Илья Ильич, даже не отряхнувши костюм, полез за висящим на шее кошельком, высыпал горсть монет. Он уже понял, что комната представляет собой такую же развалину, как встреченный в нихиле раёк, а с помощью пригоршни мнемоннов можно вдохнуть в неё призрак жизни.

– Не надо, – остановила его старуха. – На мой век хватит, давай уж поговорим стоя. Перипатетики, прогуливаясь, беседовали, а мы с тобой постоим. И тратиться ради меня не вздумай.

– Да что вы всё о деньгах? – не выдержал Илья Ильич. – У меня их труба нетолчёная.

– Вот и побереги, – голос тёти Саши был по-учительски серьёзен, – потому что это не деньги. Давай, пока время есть, я тебе всё по порядку расскажу. Только не перебивай, а то так и будем бродить вокруг да около.

– Хорошо, – согласился Илья Ильич, с удивлением заметив, что в его голосе звучат те же категоричные, видимо семейные, нотки. – Только сначала...

Призрачный стол налился сосновой твёрдостью, уцелевшим стульям вернулась ореховая фактура, даже скатерть, уже наполовину сползшая пыльной отработкой, вновь засияла крахмальной белизной. Чашки в посудной горке зазвенели чистым фарфоровым звоном, серебряный чайничек над призраком спиртовки засиял. Руке было жарко, и Илья Ильич старался не думать, сколько мнемоннов и лямишек, которые, оказывается, вовсе не деньги, улетает сейчас. Илья Ильич боялся, что, когда он узнает правду, он уже не сможет вот так, безоглядно тратить эти мнемонны, а вернуть комнате былой вид казалось совершенно необходимым. Даже сейчас

холодок предчувствия продрал по спине и стыдно обрадовала услужливо припомненная Афина фраза: «Чинить в сто раз дешевле, чем новое создавать».

Тётя Саша молчала, видимо, и она разобрала в голосе упрямое семейное «надо». Лишь когда Илья Ильич, словно проверяя на прочность, пристукнул ладонью по столешнице, старушка тихо посетовала:

– Ну куда ж ты? Мнемона три истратил, не меньше...

Всего три мнемона? Илья Ильич перевёл дух.

– Сделай уж тогда и чайку. Я-то тебя угостить не смогу, изнищала вконец.

Илья Ильич разжал кулак, денег в котором и впрямь вроде не убавилось, и протянул старухе мнемон.

– Куда столько? – замахала руками та. – Для этого дела пары грошиков хватит.

Тётя Саша взяла с ладони две лямишки, зажала их в сухоньком кулачке, и тут же чайник закурился ароматным паром, а в сахарнице возникла горка яблочной пастилы.

– Ты уж не серчай, я вместо сахара пастилку припомнила, люблю я её грешным делом. А сахар моим зубам не поддаётся. Зубы у меня по сей день свои, но тоже из отработки.

Илья Ильич кивнул и стал разливать чай.

Тётя Саша уселась напротив, взяла чашку. Всякое движение получалось у неё с простотой грации, как в более поздние годы умели лишь немногие особо одарённые актрисы. А если пытаться подражать подобным манерам, то ничего не получится у неумной дуры, кроме жеманно оттопыренного мизинца.

– Так вот, Илюшенька, – промолвила тётя Саша, беззвучно отхлебнув горячего чая, – знаешь, как на поминках говорят о дорогом покойнике: «Он будет вечно жить в наших сердцах». Этакая самоуспокоительная фигура речи... А на деле получается самая что ни на есть истина. Мы все здесь существуем до той поры, пока живые нас помнят. Тебе потом всяких глупостей наговорят, вымыслов и домыслов, да и просто бредней – неумных людей всюду хватает, но доподлинно известно только одно: покуда нас вспоминают – мы есть. И монетки, что у тебя в кошельке звенят, – это не деньги вовсе, а людские воспоминания. Помянул тебя кто добрым словом, а хоть бы и злым, и сразу в твоём активе денежкой больше. Одно воспоминание – один мнемон. А если этот человек при твоей жизни тебя не знал, а только потом о тебе услышал, то и монетка тебе достаётся маленькая – грошик.

– Лямишка? – переспросил Илья Ильич.

– Ой, их как только не называют! Раньше грошиками и поминальничками называли, сейчас чаще копеечками и этими... лямишками. Я жаргона не люблю, а молодые его легко принимают. А большая монета, настоящее воспоминание, она всегда называется «мнемон». Это от греческого мнемоникон...

Илья Ильич кивнул, показывая, что хотя классической гимназии на его долю не досталось, но настолько он языки знает, и тётя Саша, не вдаваясь в лишние объяснения, продолжила рассказ:

– Так вот, кроме нишля и человеческой памяти, здесь нет ничего. Хотя нишля – это и есть самое настоящее «ничто». Конечно, люди и тут верят во всякое и думают, что, кроме прожитой, им ещё какая-то жизнь полагается, но уж прости старуху, я в эту ерунду и при жизни не больно верила, я же бесстужевка, в народ ходила по молодости лет. Потом перед смертью, в Гражданскую, насмотрелась я на русский народ... Даже в церковь начала хаживать, чтобы хоть этим досадить торжествующему хаму. Но в бога верить всё равно не стала, в ком однажды разум проснулся, того эти глупости уже не прельстят.

Вот, оказывается, из каких времён идёт его вольномыслие!

– Тётя Саша! – воззвал Илья Ильич. – Я ведь тоже неверующий. Ни в молодости не верил, ни тем более перед смертью.

– Вот и хорошо, – улыбнулась старуха, – а то говорят, сейчас снова стало модно молитвы гундосить. Так ты знай, если кто о божественном с тобой заговорит, то это или дурак, или мошенник. Вернее, что второе: говорит о душе, а прицеливается к деньгам. Память о тебе украсть хочет, чтобы самому послаще жить. Ведь у нас с помощью мнемонамов можно... не всё, конечно, но очень-очень многое.

– Это я уже знаю, – сказал Илья Ильич. – Зажимаешь деньги в кулаке, желаешь, и пожалуйста, получи – хоть пастилы к чаю, хоть вечную молодость...

– Вечной молодости как раз и не получишь. Получить можно только то, что у тебя при жизни было, что ты помнишь или можешь помнить. Вот пастилы я за одну лямишку полфунта придумала, а вздумала бы захотеть какой-нибудь олла-подриды, о которой кроме названия и знать ничего не знаю, то ничего путного у меня бы не получилось, только деньги бы извела. Конечно, здесь тоже можно кое-чему научиться, но всё равно получаться будет хуже и дороже, чем то, что знал при жизни.

– А! – воскликнул Илья Ильич. – Афоня, тот сыщик, что меня нашёл, говорил, что ему четверть смирновской водки в три лямишки обходится, а молодые так не умеют. Теперь понимаю почему.

– Значит, он её при жизни пил, – покривив губы, произнесла тётя Саша. – Что ж, тоже мастерство, сейчас таких уже немного осталось. По питухам память непрочная.

– И куда деваются те, кто забыт всеми и навсегда?

– А ты на меня взгляни, Илюшенька. Могила моя на Смоленском кладбище давно с землёй сровнялась, из живых людей, кто меня знал, ты был последним, и даже документов обо мне никаких не сохранилось после стольких-то войн. А время идёт, и каждый день просто за то, что дышишь, у тебя убывает по одной копейке. И как последняя монетка уйдёт, то и сам рассыпаешься серой пылью. Ничиль – это же небытие, беспмятство это... Некоторые, конечно, и здесь приспособились, зарабатывают, кормятся при тех, кто позже пришёл, вроде как Афоня твой. Но таких мало, и не потому, что желающих нет, а просто не всякому удаётся. Ведь даже у новоприбывших денег не так много, как кажется. Живые, они о живом думают, им дорогих покойников вспоминать некогда. Оно, конечно, обидно, но правильно. Живые и должны думать о живом.

– Понял... – протянул Илья Ильич. Теперь, когда несложная тайна серебристых монеток была произнесена вслух, ему казалось, что он с самого начала подозревал нечто похожее на истину. – А как же те, кого люди действительно помнят сотнями лет, какой-нибудь Александр Македонский?

– Не встречалась... – усмехнулась тётя Саша. – Те великие, кого помнят, отдельно от простых людей живут. Надоели мы им за тысячу лет хуже горькой редьки, и у них выстроено специальное место, которое называется Цитаделью. Что там внутри, я не знаю, и знать мне это отчего-то неинтересно. Охрана там на стенах стоит, и в ворота никого не пускают. Обидно, что те, перед кем в жизни преклонялась, после смерти от людей заперлись, ну да бог с ними, давай лучше о простых людях поговорим...

– Как близких найти, – напомнил Илья Ильич.

– Так вот, – словно не слыша, продолжила тётя Саша, – простые люди живут в Городе. Это и в самом деле город, дома там, улицы, парки есть, развлечения самые разные, на любой вкус. Всё людьми сделано, за всё мнемонами заплачено, и за всё нужно платить. Только по улице гулять можно бесплатно.

– А мне Афанасий говорил, чтобы я в городе никаким коммунальным службам не платил, что всё это обман.

– Обман и есть, – согласилась тётя Саша. – Свет и воду, захочешь, сам создашь, за свои кровные, безо всякого водопровода и электростанций, а канализация там и вовсе ни к чему. От неживых людей и отход один – ничиль. Город, по сути дела, и не нужен, просто люди жмутся

один к другому. Хотя некоторые, пока память о них не остыла, создадут себе домик, устроятся в нём поуютнее и дрейфуют в нихиле сами по себе.

– Вот так? – спросил Илья Ильич, поведя ладонью округ себя.

– Не совсем. Таких, как я, город сам отторгает, и мы тут в нихиле потихоньку растворяемся.

– Но, может быть, как-нибудь можно помочь?

– Нет, Илюшенька, как тут поможешь, если я уже давно всеми забыта. Пока ты жив был, вспоминал иногда, не меня даже, а слоников этих, тем я и перебивалась. А теперь уже нечем, да и незачем. Будет с меня – собачонкой на коврике лежать... Я ведь могла ещё с год протянуть, а то и больше, но я твои последние два мнемона разом потратила, чтобы тебя встретить. Кстати, и своих ты отыщешь почти таким же способом... компасок называется. Его можно на себя ставить или на другого, но только на знакомого человека, с кем при жизни встречался. На себя – один мнемон, на другого – парочка. Просто зажимаешь деньги в кулак и хочешь этого человека найти. Или чтобы он тебя нашёл. Только ведь он может и не захотеть встречи с тобой. Ты вот хотел найти хоть кого-нибудь и, покуда тебе не мешали, шёл напрямик к моему окошку. А если бы не искал меня или другого знакомого человека, то и знать бы не знал, что я тебе компас поставила.

– А я думал, что вслепую в нихиле топчусь. Там ведь кругами пойти – самое простое дело.

– Ко мне ты шёл, Илюшенька. Тут многие пытаются родных да знакомых встретить, но не у всех получается, хоть два компаска разом ставь – на себя и на того, кого ищешь. Пока компас к цели доведёт, бандиты тебя десять раз перехватить успеют.

– Какие бандиты? – изумился Илья Ильич. – Мне говорили, что отнять чужие деньги, то есть мнемона, невозможно, только если сам отдашь.

– Вот сам и отдашь. Ты подумай хорошенько, человек испуганный, голый посреди этого нихила, а тут появляются люди, эти самые вымогатели, так ты им за то, что они тебя пристроят, за всё стократ платить будешь. У них маяков этих наставлена целая сеть, я сама удивляюсь, что ты меня отыскал прежде, чем они тебя поймали. Так что ты теперь свои мнемона сохранишь.

– Я слышал, будто есть какие-то бригадники...

– Они самые и есть.

– А я думал, они государственные служащие. Я уже знаю, что они обдирают как липку, но полагал, что в пользу государства.

– Какое же государство в царстве мёртвых? Маркса читать нужно... – Старорежимная старуха, премного пострадавшая от доморощенных марксистов, улыбнулась неожиданно задорной улыбкой, лучащейся в углах рта и глаз. – Государство – аппарат принуждения, а к чему ты меня принудишь, если я уже померла? У нас тут анархия в чистом виде, мечта князя Кропоткина. А бригадники, как и все прочие, на свой карман работают.

Илья Ильич отхлебнул жасминного чая, усваивая новую информацию.

– Сыщик мне говорил, что тут штрафы в пользу государства, половина, мол, в казну идёт.

– Куда она идёт – того никто не знает. Может быть, просто в пользу вселенского беспорядка. В городе даже храм есть «мировой энтропии». Но город существует просто потому, что люди даже после смерти жмутся друг к другу. В городе и зарабатывать легче – на таких, как ты, новичках, и на знаменитостях, Цитадель-то рядом стоит. Там охрана кормится, обслуга... ну и прочим перепадает, когда охранники в город развлекаться идут. От Цитадели держись подальше, ничего доброго там не получишь.

– Там же вроде великие люди должны жить, – удивился Илья Ильич, – не только всякие диктаторы, но и учёные, гуманисты... Что же они от людей заперлись и охрану поставили?

– Ой, – вздохнула старуха, – а ты поживи тут триста лет, посмотрю тогда, что от твоего гуманизма останется... Впрочем, с этим сам разберёшься, давай-ка научу, как тебе своих искать...

Сильный удар прервал последние слова. Ветхая дверь не слетела с петель, а просто рассыпалась пыльным облачком. В комнату ворвались шестеро человек. Вид их был дик и страшен, лица украшали татуировки и глубокие шрамы, чёрные одежды напоминали скорее маскарадные костюмы: нечто не то средневековое, не то взятое напрокат из мистического триллера. Конкретной атрибутики не было, так что при желании можно было принять явившуюся публику за монахов, дьяволов, инквизиторов или служителей преисподней любой религии, где подобная вера культивируется.

– Вот он! – хрипло взревел устрашающего вида негр, единственный, чьи ритуальные шрамы, возможно, появились при жизни, а не были результатом пластической операции за полмнемона. – Попался, грешник!

– Ребята, вы опоздали. – Илья Ильич безжалостно улыбнулся. – Кыш отсюда!

– ...думал скрыться... – по инерции проголосил чернокожий, затем взгляд его остановился на тётке Саше. – Ну, ведьма, – прохрипел неудачливый бес, – ты мне за это заплатишь!

– И как вы это себе представляете, любезнейший? – язвительно поинтересовалась тётка Саша.

– Да я тебя, стерву, с потрохами сожру! – Вошедший в раж громила саданул ногой по столу, видимо рассчитывая, что и он рассыплется пылью, однако свежечиненная мебель с лёгкостью устояла. Бригадник взвыл, ухватившись за ушибленную ногу.

– Ты ещё меня ударь, – язвительно посоветовала тётка Саша.

– Вот что. – Илья Ильич шагнул вперёд. – Извинись перед женщиной, почини дверь и выматывайся вон.

– Шо?! – Негритос явно говорил на каком-то своём наречии, но Илье Ильичу, ставшему день назад великим полиглотом, казалось, что перед ним обычный дворовый дебошир, который и говорит, как положено мелкому братку и дебоширу. – Да я тебя, козла...

Илья Ильич медленно и нехорошо улыбнулся, выволок из-за пазухи толстый, почти не траченный кошель, резким движением распустил завязку. В глазах застывших бригадников он видел испуг, смешанный с недоумением, и это доказывало, что он действует верно. Раз в этом мире нет ничего, кроме монет-памяток, то и счёты промеж себя люди сводят этой же универсальной валютой. Серебристые мнемоны звенящей струйкой потекли в ладонь. Сколько их там могло поместиться? Десятка два, но для людей, давно умерших и прочно забытых, это было целое состояние. Илья Ильич зажал монеты в кулаке, словно свинчатку, и занёс руку для удара.

– Так кто здесь козёл?

Противник, недавно такой грозный, посерел от ужаса и метнулся к дверному проёму. В этот момент в дверях возник ещё один человек, и беглец врезался в него со всего маху. Оба упали, негр вскочил первым и исчез среди нихилия быстрее, чем это мог заметить взгляд.

– Что здесь, собственно, происходит? – громко спросил вошедший, поднимаясь и отряхивая костюм. В голосе его перекатывались нотки неудовольствия, что вполне можно было объяснить пинком, полученным при входе. У Ильи Ильича не было и тени сомнения, что вошедший имеет отношение к той же мошеннической банде, что и сбежавший негр, однако формального повода для расправы с вальяжным господином не было, да и самый его вид не предполагал кулачной над ним расправы. В конце концов, вид человека, который в подобной ситуации прежде всего заботится о чистоте костюма, способен остановить даже занесённый для удара кулак.

– Ваши люди? – спросил Илья Ильич, указывая на пятерых жавшихся по углам бригадников.

– Первый раз вижу, – словно на очной ставке, отозвался приличный. – Я, собственно говоря, представитель федеральных властей, а вы, насколько я понимаю, совсем недавно появились в... как бы это сказать... короче, появились здесь и ещё не прошли регистрации.

– Свидетельство о смерти, что ли, получать? – язвительно спросил Илья Ильич. – Так его там выдают, родственникам, а мне как бы и ни к чему.

– Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь... – проникновенно пропел самозванный чиновник.

Илья Ильич краем глаза заметил, что недавние погромщики, пытавшиеся разыграть, казалось бы, беспроегршную карту Страшного суда, один за другим по стеночке прокрались к вышибленной двери и немедля расплылись в полутьме. Мешать им Илья Ильич не стал, не сюда же они рвутся, а отсюда... Илья Ильич продолжал разглядывать главаря, который уже привычно вещал, то нравоучительно, то с лёгкой укоризной, то переходя на стиль рекламного слогана:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.